

Александр Морозов
Московский Джокер

Издательский дом «Сказочная дорога»

2013

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морозов А. П.

Московский Джокер / А. П. Морозов — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2013

ISBN 978-5-4329-0022-7

Александр Морозов автор романов «Программист» и «Центр». В его новом романе события развиваются драматично: на запасных путях одного из московских вокзалов стоит вагон, в котором 10 миллиардов долларов. В течение ночи и утра эти настоящие, но «помеченные» доллары должны быть «вспрыснуты» во все рестораны, обменные пункты и т. п. Так планируется начать сначала в Москве, а потом и в остальных мировых столицах финансовый заговор-переворот, который должен привести к установлению глобальной электронной диктатуры. Но тут, из самого эпицентра ночной Москвы, возникает фигура Джокера, которому вынуждены доверять и подчиняться все стороны. Кто он, этот Джокер, разрешивший глобальный конфликт?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4329-0022-7

© Морозов А. П., 2013
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2013

Содержание

Часть I	7
1	7
2	9
3	11
4	13
5	17
6	19
7	22
8	23
9	26
10	28
11	30
12	36
13	40
14	44
15	56
Конец ознакомительного фрагмента.	71

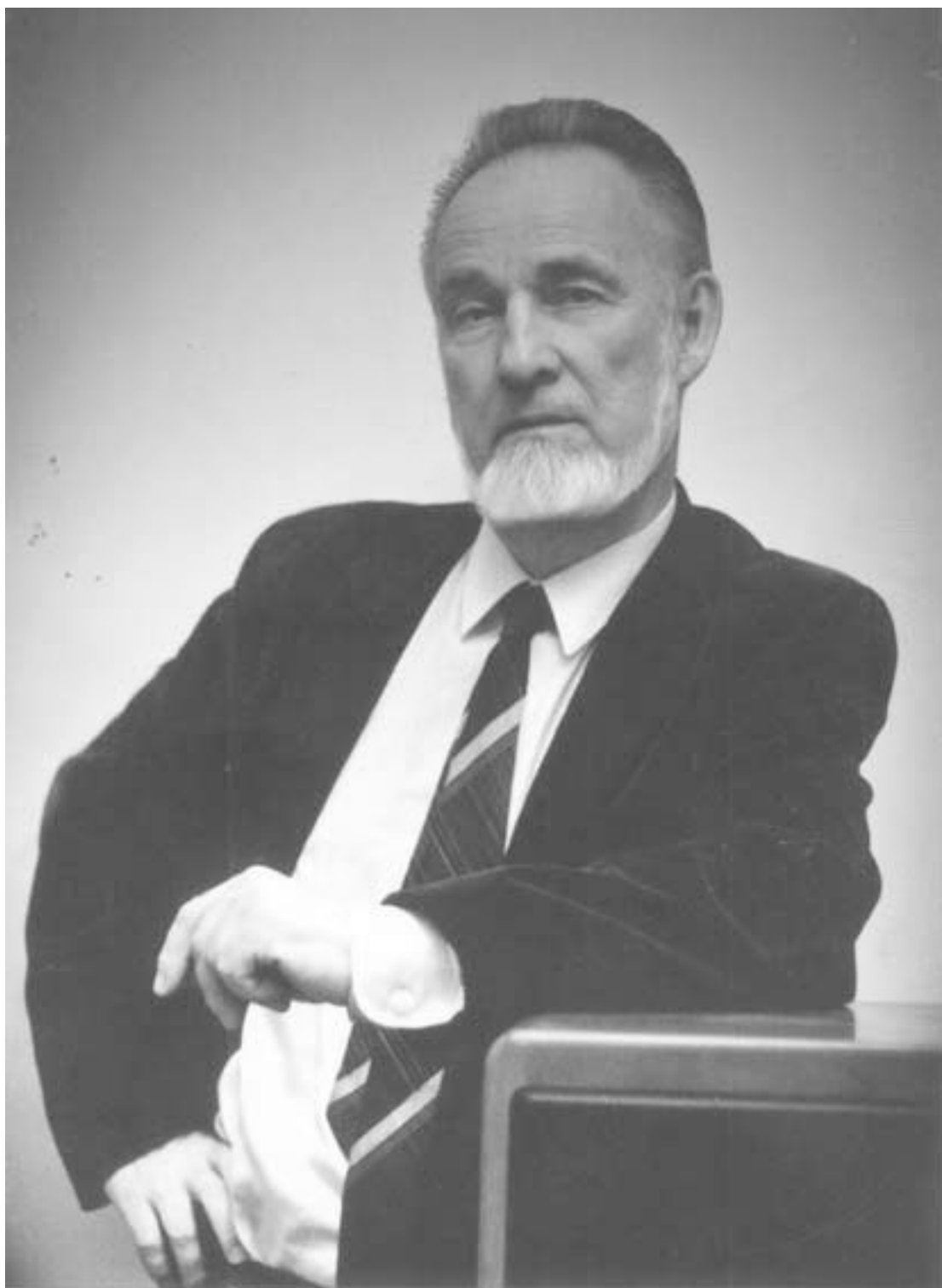
Александр Морозов

Московский Джокер

© Морозов А. П., 2013.

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2013.

* * *

Часть I

Нить, на которой подвешена наша судьба, истончилась.

КГ. Юнг

*Мы танцуем на краю ледяного обрыва смерти, но разве от этого
в нашем танце меньше радости?*

Р. Бартон

*Кулисы мирового театра могут еще какое-то время оставаться
старыми, разыгрывающаяся пьеса уже другая.*

М. Хайдеггер

1

...Итак, он должен заночевать в квартире убитого. Вернее, остаться на ночь. А часа в три после полуночи выйти из дома и пойти туда, не знаю куда. Туда, куда пошел в предыдущую ночь убитый.

Ну, так куда?

Ноги сами вынесут. И доведут?

Двенадцатый этаж двенадцатиэтажного кирпичного дома. Очень даже, как бы это сказать, кирпичного. Стиль «Уведи меня, мама, в переулки номенклатуры». В подъезде – кадки с какими-то уродливыми южными растениями. Ковровая дорожка. Столик, а за ним консерьжка – угрюмая мазепа, посверкивающая глазками из-под допотопных очочков. Бараночку в чашке помешивающая. Это уж непременно-с.

И как же ее минуешь, с ее каркающим: «Вы к кому?»

И самое-то поганое, он даже не знает, надо ли не засветиться, или, наоборот, не отворачивая лица, бодро отвечать: «В квартиру шестьдесят четыре, к Мартину Марло».

Как следует действовать по обстоятельствам, когда неизвестны обстоятельства?

Марло могли убить свои, могли – чужие, могли – никакие. Случайные шлюхи, к примеру. Разумеется, эта последняя категория куда чаще оказывается в роли жертв преступления, чем его исполнителей. Но чего на свете не бывает?

Он прошел мимо консерьжки, не совсем отчетливо бросив: «В шестьдесят четвертую», и в кабине лифта нажал клавишу «12». Но уже восьмая засветилась ярче других, пол лифта слегка тряхнуло, и движение прекратилось. В лифт сунулся «хорёк» в галстук, безжалостно сдавливающим цыплячью шею. По-своему респектабелен. Насторожен.

– Простите, вы вниз?

– Вверх.

– Ну ничего, чем ждать, я уж с вами. А то вдруг еще мимо пройдет.

Высветился двенадцатый. Он шагнул из лифта, успел сделать два-три шага, когда за спиной раздалось:

– У вас зажигалки не будет?

Он машинально сунул руку в карман. Обернулся. В руке «хорька» была не сигарета. Ствол черным, зияющим своим «калибром» был направлен ему в живот.

А когда в живот, это значит: если уж умирать, то в муках.

«Понтырящик дешевый» – это он сказал мысленно себе. «Хорьку» говорить было нельзя. Ни хорошего, ни плохого. Неизвестно, как тот отреагирует на то или другое. На что угодно.

Поводит, поводит стволиком и...

Они вышли, наконец, из лифта. И створки за ними сошлись, чмокнули прорезиненно.

Они стояли вдвоем, но ведь в любой момент, из любой квартиры мог кто-нибудь выйти. Но «хорька», видать, это не колыхало. Он разглядывал клиента заинтересованно. Первое слово решает все. Или первая пуля.

– Тебе в какую квартиру? – спросил «хорёк».

О, мама миа! Неужели обычный грабитель? Завести под стволом в квартиру, затем закрыть в ванной или в туалете, ну а самому похватать-пошарить...

– В шестьдесят четвертую. Я в гости иду. Так и внизу сказал. На входе.

– Не шлепай, не шлепай. Давай дави звонок. – «Хорёк» явно раздухарился. Один готов идти в мужскую компанию неизвестного ему состава и экипировки.

– Ты, случаем, Марло не знаешь? – спросил «хорёк» из-за спины. – Он, говорят, здесь живет.

– Марло убили. Убери пушку, скажу кое-чего.

– Еще поговорим. Да не звони ты, фраер мелочной. У тебя же наверняка ключи есть.

Ну да, этого и надо было ожидать.

Не успел он распахнуть дверь, как проламывающая боль колуном расколола затылок.

И, потеряв сознание, не мог он уже слышать страшного грохота от падения собственного тела.

2

– Филипп Марло. Нет, нет, Мартин. Точно, Мартин. Я почему забыл? Ну, мы его всегда просто звали Марло. Надо же, это у него такая фамилия, а как кличка. И придумывать не надо. Он в разных компаниях стоял. И в пивной на Смоляге. Лет восемь. Нет, наверное, шесть. И на атомном подводном ходил. Ну, то, что в кругосветку, это, может, и приврал. А может, и нет, А так все чин-чинарем. И документы показывал. Инженер-капитан. И каким-то боком с МИДом был связан. С высоткой, в аккурат напротив пивной.

– Это как же понимать? Сами же говорите, атомный подводный, инженер-капитан, и прямо такие документы встречному-поперечному распахивал?

– Да у нас там это запросто. Кто в скверике напротив пивной годик-другой отстоял – это уж свой, какие секреты, душа нараспашку. Это, знаете, ну как соседи в коммуналке. Документы там, или как, а все друг о друге знают. А документы... Ну это, когда совсем уже подогреются и начинают... Да ты знаешь, кто я? – Да у меня красная книжечка. – А у меня еще краснее. Ну и пошли удостоверения тыкать друг другу.

– Так. Ну а насчет мидовских связей? Может, тоже хвастался под подогревом? Или все же факты какие?

– Факты такие. Не моего, конечно, ума дело, а только я так понимаю, что не работал он на них, конечно. Но корефанов в высотке имел. Это как раз факт. Не хватает, к примеру, нам добавить. Ну неумогу совсем. Все карманы вывернули, у всех заняли и пропили. Ну было, несколько раз. Было. Звонил Марло туда. Выходили к нему мужички в песочных костюмчиках, с кейсами, натурально. Обнимали его, по плечам хлопали. Ну и снабжали.

– И все?

– А чего же еще? Нам-то что? Хрусты в карман – и в колонну по четыре. То есть к прилавку ближайшего винного. А, да, вспомнил. Вот это... в восьмидесятых, когда южнокорейский самолет наши грабанули.

– Ну?

– Так вот, я и говорю. Он как раз тогда недели три на скверике отсутствовал. А появился – всем сразу поставил и сходу объявил: меня, де, вызывали на Дальний Восток, как эксперта, по делу о «Боинге».

– То он у вас капитан-подводник, то к МИДУ сбоку припека, а теперь еще и к авиации причастен оказался.

– Ну, они же в море упали, южнокорейцы-то. Ну вот, вроде бы там что-то насчет подводных работ надо было. Не знаю. Чего не знаю, того не скажу. Он ляпнул, мы рты пораскрывали. А тут же кто-то и про баб загнул. И всех делов. Это все ж пивная, а не заседание актива, сами понимаете.

– А как вы оцениваете его самого, его личные качества?

– Личные... Да прямо сказать, зверь мужик. С таким на медведя ходить, рогадины не надо. Пил, как зверь. А оплошал, ну не знаю, за столько лет, раза два может. В смысле, на ноги слаб оказался. А так нет, все своим ходом: уход, приход, все путем. Открытый он был, щедрый, на язык заводной. Да чего, красивый, можно сказать, мужик был. И как человек, и так. Бабы на него всю глядели. Ну да ему дюжинка бочкового да хорошее ля-ля, а чего вокруг – летай фанера.

– Вот вы все время про Мартина Марло говорите «был». Был щедрый, был открытый. Он что, по-вашему, сейчас переменялся?

– Да ладно, начальник, за фуфло не держи. Пришили Марло. Как говорится, трубец котенку. Чего смотришь? А то стал бы ты меня за так слушать.

– Как же это вы успели так быстро узнать?

– Чего быстро? Уж с неделю тебе на Смоляге любой керя скажет: трубец котенку. Отдал Марло концы насовсем.

– А вот тут вы и ошибаетесь. Тут у нас с вами самое интересное и начинается. Дело в том, что Мартина Марло действительно нет в живых. Давайте займемся вот чем. Постарайтесь как можно точнее все припомнить, и расскажите, когда именно и где вы в первый или второй раз услышали о смерти Мартина Марло.

3

Очнулся от боли. Или очнулся и почувствовал боль. Какая, к такой-то, разница? Он лежал на ковре, прямо посередине огромной гостиной, залитой кремовым светом заходящего за высотное здание солнца, еще интенсивнее подкрашенного громадными шелковыми занавесками.

Ощупал затылок. Так, кровь пошла, но немного. Уже и подсохло почти. Негромко охнув, приподнялся сначала на четвереньки, добрался в этой позиции до пузатого, красного дерева, буфета и, уже подтягиваясь за него, встал на ноги.

Помотал головой. Если и сотрясение мозга, то пустяковое. Выходит, молодец «хорёк», не изуродовал. Выходит все-таки классический метод проникновения в квартиру. Без вышибания дверей и тем более без мокрухи.

Оглушил входящего, втащил его, зашел сам, сделал, что нужно, и ушел. А вот что ему было нужно?

Мартин Марло – вон он, лежит на диване, в противоположном углу. Неестественность позы и каменная ее неподвижность ясно говорят, что лежит он мертвый. Нечего и подходить.

Может быть, «хорёк» его и пришил? Нет уж, не в склад, не в лад. Ему позвонили два часа назад – ну, может быть, плюс самое большее пятнадцать минут, которые он валялся на ковре, по солнцу видно, что не больше, – и неопознанный им, не представившийся мужской голос сказал: «Марло убили. Поезжай к нему. Если хочешь узнать, кто да что, действуй по обстоятельствам».

Он, конечно, сразу перезвонил Мартину. Никто не ответил. Да он и без этого сразу понял, что все так и есть.

Так дела не делаются. В том смысле, что просто так не звонят и такие вещи не говорят.

Марло могли убить из-за женщины. Он влезал в любую компанию, пикировал на нее и приземлялся внезапно и плотно, как Скайхок на палубу авианосца. Он лез прямо под линию декольте, и не всегда только глазами, таким дивам, которым он не мог оплатить четверть ремешка от их редикюля. И что самое смешное, делал это в присутствии тех, кто платил за них все. И что еще смешнее, бывал бит, но никому не удавалось нанести ему тяжкое увечье.

Да, в некоторые вечера из-за баб его могли пришибить десять раз в течение десяти минут. Но все-таки этого не случилось в течение двадцати лет.

И вообще, все это было всего лишь ленью мысли. Всякие подобные банальности, спокойные и необязательные, отменялись самим фактом вот этого самого звонка. Сообщения. Ибо почему позвонили именно ему?

Ведь он знал Марло не так уж и близко. А потом вообще, почему надо кому-то звонить и что-то сообщать? Это вам что, террористический акт в Бейруте или Белфасте, где непременно кто-то берет на себя ответственность?

Марло мертв, но жизнь не кончается, и следующим ходом кто-то посчитал, что необходимо подключить его к этому делу. А следующий ход бывает только в игре. Значит, это игра. И убийство здесь вовсе не обязательно кульминация или соль всего дела.

Он долго – минут двадцать – размышлял, стоит ли кому-нибудь позвонить, прежде чем отправиться к Марло.

Ввязываться ли вообще, так вопрос не стоял. Раз позвонили, надо ехать. В подобных ситуациях действовало железное правило: или стрелять, или бежать. Бежать в настоящий момент представлялось как бы преждевременным. Оставалось стрелять, что в данной ситуации означало действовать.

Он позвонил Валентине и сказал:

– Валентина, ты помнишь, как Мартин Марло рассказывал нам, что такое конспирация один?

– Да, конечно, – ответила Валентина.

– Мне сейчас позвонили и сказали, что Марло мертв. Я поеду к нему и выясню, так ли это.

– Вчера, ну, то есть сегодня, часа в три ночи, – сказала Валентина абсолютно ровным голосом, – Марло вышел из своего подъезда и пошел по направлению к проспекту. Когда вернулся, не знаю. Я поздно легла и поздно встала.

Разумеется, Валентина не лежала по ночам у дома Марло в засаде. Просто его дом был построен из номенклатурного кирпича и стоял в узком, номенклатурном переулке (такие называют еще посольскими). Валентина жила как раз в доме напротив и летними вечерами (а теперь выяснилось, что и ночами) любила сидеть в кресле-качалке на полузакрытом балконе своего пятого этажа.

«Куда это Марло поканал так поздно? – подумал он, попрощавшись с Валентиной. – И вернулся ли обратно своим ходом? Впрочем, да, разумеется. Довольно нелепо представить себе, как мимо мымры-консьержки проносят деревянный ящик и на вопрос: «Вы к кому?» – отвечают: «В шестьдесят четвертую».

Он подошел к дивану, на котором лежал труп Марло. Да, без сомнения, убит, и, по-видимому, в жестокой борьбе. Как именно и чем, вот уж это абсолютно не его дело.

Его дело – выяснить, куда выходил Марло в три часа ночи и что случилось с ним дальше.

4

А было это лет двадцать назад. В середине, то есть, семидесятых. Тем летом Алекс заканчивал пятый, выпускной курс Училища. Именно так, в одно слово с заглавной буквы, они и писали, и произносили название своего учебного заведения. Потому что не только на входе в здание не было никаких табличек, но, что самое смешное, и внутри ни на каких бланках, зачетках, пропусках не значилось никакого более подробного наименования, кроме гордого в своем одиночестве слова «Училище».

Поневоле и учащиеся – или курсанты? – вслед за преподавателями вынуждены были называть его так. Училище. Впрочем, уже в середине первого курса не только никаких вопросов по этому поводу не задавалось преподавателям, но и промеж себя курсантики перестали недоумевать. Преподаватель становился для них – Наставник, а их психика неуклонно переплавлялась, закалялась и становилась психикой монахов-воинов. При том что внешне они развивались во вполне светских, можно даже сказать, блестящих юношей. Почти все они стали разрядниками по трем-четырем видам спорта, знали фундаментальные науки, технику, языки и вообще при необходимости могли бы работать, выражаясь казенным языком, на должностях от сантехника до ведущего инженера где-нибудь на космодроме или гигантском синхрофазотроне.

И что еще важнее, легко могли войти в среду... да пожалуй, что в любую. Допустим в рабочую среду или в среду творческой интеллигенции. Кем же они являлись, выпускники этого Училища? Офицерами разведки? Очень похоже. Однако, так, да не совсем. Разведка ведь всегда чья-то. Ну, допустим, ГРУ – военная, понятно. Есть и другие. Даже и у крупных банков есть свои... подразделения. А за их Училище никакое ведомство или учреждение ответственность на себя не брало. Соответственно и прав не предъявляло. Да и вообще, никто к ним ничего не предъявлял, в том числе и Наставники. Подготовка осуществлялась потрясающая, но для чего, как бы и речи не заходило.

А курсанты и не спрашивали. Они становились не офицерами разведки, хотя по своей подготовке, по всем своим функциональным возможностям ничуть не уступали профессионалам этой «специальности». Они становились монахами-воинами. А это значит, что они не задавали праздных вопросов, вопросов общего характера Наставникам, не потому что это было им запрещено. Или, скажем, считалось в их среде непрофессиональным, смешным. На каком-то этапе своей подготовки они просто перестали испытывать в этом потребность.

На одной из первых лекций Наставник-гуманитарий задал им вопрос в форме притчи. По пустынной дороге шел юноша, достигнувший сана Совершенный. С заросшего поля у дороги он услышал отчаянные крики о помощи. Поровнявшись с местом, откуда доносились крики, он увидел, что несколько негодяев насилуют девушку. Как должен поступить Совершенный?

Разумеется, в соответствии с двумя логическими возможностями курсанты разделились на две группы. Первая, с разными вариациями, отвечала в том духе, что Совершенный не знает страха и, следовательно, невзирая на невыгодное соотношение сил, должен немедленно и максимально активно вступить за девушку. Другие возражали, что весь строй мыслей и само предназначение Совершенного настолько выше мира обыкновенных человеческих страстей, что он может и должен невозмутимо пройти мимо.

Казалось бы, этими двумя вариантами и исчерпываются возможные ответы. Однако, подводя черту под обсуждением, Наставник сказал:

– Правильный ответ гласит: Совершенный не может оказаться в такой ситуации.

Так вот, буквально через несколько месяцев после начала занятий, курсанты уже не могли оказаться в ситуации задающих некоторые общие вопросы. И при этом даже задающих их сами себе. На третьем курсе они изучали мировые религии. Потом разделились на отделе-

ния: христианства – с отдельными потоками православия, католичества, протестантизма, буддизма, иудаизма и ислама. Алекс попал в межфакультетскую группу современных сект. Его курсовой проект, если уж придерживаться этой вполне условной для курсантов терминологии, был выполнен летом в течение трех недель. Он был выброшен с парашютом над джунглями одной южноамериканской страны. Он подобрался к их лагерю, ни во что не вмешивался, только наблюдал. Только присутствовал. При финале страшной человеческой трагедии. При массовом самоубийстве полутора тысяч людей. Мужчин, женщин, детей. При страшной смерти их обоженного Наставника, вдруг запнувшегося на бегу, завертевшегося на пятке вокруг своей оси и рухнувшего затылком в самую середину костра.

Он много чего там повидал, Алекс, зелено-бурое пятно на тридцатиметровой высоте, в сплетении веток могучих деревьев. И мог потом со знанием дела читать отклики мировой печати на трагический конец одиозной секты. Вот этот сравнительный анализ сотен публикаций и составил тогда его курсовую работу.

Алекс понял тогда одно: тот, кто не владеет собой, не просто жалок. Через него, через миллионы таких, как он, приходит в мир зло. Они – его капилляры. И «цветы зла» Шарля Бодлера не распустились бы, если бы не эти сосуды.

Ну а диплом – он же выпускной бал и распределение – оказался у него таким.

Тем летним вечером они катались на лодке с Наставником по замечательно ухоженному подмосковному озерцу и беседовали об иллюзорности времени и иллюзорности целей.

– Цели достигаются или нет, – говорил Наставник, откидываясь после сильного гребка назад и подставляя свое слегка одутловатое, с азиатскими чертами лицо солнцу. – Но время все равно проходит. А по прошествии времени никто уже не может определить, в чем заключалась настоящая цель там, в прошлом. То ли в том, чтобы преодолеть препятствие, то ли в том, чтобы обойти его.

– Для Совершенного ни то, ни другое, – откликнулся сидящий на корме Алекс.

– Совершенный не замечает препятствия.

– Это так, – охотно согласился Наставник. – Но если мы не хотим полностью отбросить понятие цели, то должны считать, что цель для Совершенного лежит совсем в других измерениях, нежели для остальных людей.

Метрах в сорока от пристани Наставник потабанил и сложил весла вдоль бортов.

Лодочку медленно стало разворачивать бортом к пристани и носом к дальнему лесу.

– Конспирация один, – негромко, себе под нос, заговорил Наставник. И в последующие двадцать лет Алекс неоднократно воспроизводил эти слова, как бы включая в мозгу тихо шелестящую кассету. – Ты будешь использовать конспирацию один. Старт согласно модификации: без денег и документов.

Они причалили к пристани, вышли из лодки, переоделись в городские костюмы и взяли из ячеек раздевалки свои кейсы. Затем направились к темно-вишневому Ауди сто, уже развернувшегося сверкавшим в лучах заходящего солнца радиатором по направлению к юго-западу. К мегаполису. Впереди сидели двое и один сзади.

Алекс полагал, что Наставник поедет вместе с ним и по дороге уточнит инструкции новоиспеченному выпускнику Училища. По крайней мере объявит Алексу его звание, если таковое ему присвоено, его официальный и реальный социальный статус, быть может, подкиннет две-три легенды, которыми следует или просто можно пользоваться первое время.

Но, подойдя к Ауди, Наставник поставил свой кейс на траву, обнял Алекса, вернее, слегка припал к нему, а затем, отстранившись и глядя прямо ему в глаза, сказал:

– Прощай, Алекс. У каждого свой путь. Я навсегда останусь твоим Наставником, но, быть может, мы никогда больше не увидимся. Более того, ты ничего не услышишь и о самом Училище, не найдешь и следов его. К настоящему моменту, – Наставник взглянул на часы, – Училище уже поменяло штаб-квартиру, так что по старому адресу можешь не обращаться.

– Мои действия? – спросил Алекс.

– Ты все-таки задал этот вопрос. Ну, хорошо. Живи как знаешь, вот тебе и весь сказ. Больше мне тебе сказать нечего. Зачем терять время на пустые разговоры? Чему-то же ты научился за пять лет?

– Но проект... Разве его нет? Зачем же были затрачены такие средства на нашу подготовку? Ну вот хоть на меня. А если я не подхожу, то есть не считаюсь окончившим Училище по полной форме, то могу ли я быть уверен в личной безопасности?

– Отвечаю по порядку. О проекте скажу тебе только одно. Не все то существует, что финансируется. К тому же цели никогда не бывают заявлены открыто. Чаще всего, они даже нигде и не записаны, не фиксированы. Ни в каких документах, соглашениях, контрактах и тому подобное. Ну представь себе, например, что кто-то захотел проверить некоторые постулаты теории конспирации. Ну даже такой, что конспирация вообще возможна. Вообще, в принципе. А в частности, возможна ли она в нашем современном мире, перенасыщенном средствами коммуникации, слежения и контроля.

– Ну и как, по-вашему, возможна?

– А вот тут перейдем ко второму пункту. О твоей личной безопасности. Когда ты позапрошлым летом побывал в Южной Америке... Я надеюсь, ты понимаешь, что за этим делом, за этой сектой с самого начала и вплоть до финала следили десятки людей из самых могущественных разведок мира. И многие из них были куда опытнее и подготовленнее тебя. Это я к тому, что личные качества этих людей не сыграли здесь никакой роли.

– То есть?

– К настоящему времени из всех этих людей – агентов, генералов, дипломатов – в живых остался только ты. Подожди, не перебивай. Это я не к вопросу о твоей личной безопасности. А к вопросу о принципиальной возможности конспирации. То, что ты стоишь сейчас передо мной, доказывает по крайней мере одну вещь: сам факт существования Училища и его кадровый состав не попали ни в один компьютер на нашей многогрешной планете Земля.

– А мой отчет? Об откликах в прессе о массовом самоубийстве?

– О, твой отчет и вовсе сыграл самую гуманную роль. Никто из пишущей братии, точнее, из написавших на эту тему, насколько мне известно, не пострадал.

– Но ведь они описали все очень подробно. Анализировали, приводили свидетельства случайно уцелевших очевидцев. Значит ли это...

– Это значит только то, что ни сам факт доведения до самоубийства полутора тысяч людей, ни даже вся история этой секты, с самого начала изобиловавшая скандалами, судебными исками людей, вышедших из секты, но потерявших все свое имущество и накопления...

– Личность главы секты.

– Ну да. Все это представляло интерес для широкой публики, и поэтому об этом печатали в газетах и журналах, передавали в телевизионных и радиорепортажах. Но все это не представляло никакой опасности.

– Для кого?

– Для тех, кто запечатал личные дела всех этих, погибших один за другим, профессиональных очевидцев.

– Руководящие круги этих самых, наиболее могущественных разведок мира?

– Они самые. Кто же еще? Ведь это все были их люди.

– На всякий случай? Если кто-нибудь из них что-нибудь заметил?

– А ты сам, когда писал свой отчет, разве ничего не заметил?

– Разумеется, да. Но тема моего отчета была ясно очерчена: анализ откликов прессы. Я его и произвел. Другим, я полагал, занимаются другие.

– И что, все-таки, там было другого, по твоему разумению?

– Координация действий разведок государств, находящихся якобы в непримиримой конфронтации.

– Такое бывает. А если нашествие марсиан? Или попроще: допустим, в некоей слаборазвитой стране вспыхнула эпидемия, грозящая охватить целые материки. И срочно надо найти ее источник. Да мало ли чего? Скажем, неопознанный источник радиоактивного излучения. Почему бы спецслужбам в таких случаях и не посотрудничать.

– Здесь другое, – спокойно сказал Алекс. – Во многих эпизодах деятельности секты: как ей помогли уйти из-под судебного преследования, противостоять давлению правительства Соединенных Штатов, отмывать деньги, переселиться в полном составе в Южную Америку, – во всем этом чувствовалась не просто опека спецслужб различных государств. Сама эта опека осуществлялась так слаженно, на таком высоком техническом и организационном уровне, который возможен только при давнем и очень тесном сотрудничестве этих спецслужб. В частности, сети агентов как в Северной, так и в Южной Америке так свободно передавались от одних к другим, как будто это была общая собственность родственников одной семьи, а не самое засекреченное оружие двух конкурирующих на мировой арене суперконцернов.

– Итак, Алекс, ты утверждаешь, что деятельность этих разведок по созданию и выращиванию этой секты производила впечатление не случайно вспыхнувшего знакомства, а очень длительной интимной связи?

– Да, это так.

– Вот видишь. И при этом ты еще жив. Итак, тебе пора в путь. Ах да, у тебя был еще третий вопрос. Отвечаю: ты нам подходишь, и ты считаешься окончившим Училище по полной форме. И я тебе сказал еще там, на озере: ты будешь использовать конспирацию один. Стартовый вариант: без денег и документов.

Они простились. Алекс сел в Ауди, и машина рванула на юго-запад. А через час с небольшим он валялся на насыпи, недалеко от рельс, гудящих от электричек Савеловского направления. Валялся в болевом шоке, перемежающемся бредом, в растерзанной, испачканной одежде, зверски избитый, с неузнаваемо заплывшим, окровавленным лицом.

Охранники-порученцы, которых вместе с Ауди предоставила в распоряжение Алекса администрация Училища, накинулись на него практически сразу. В машине его душили шарфами и галстуками, ломали руки, пинали ногами, куда попадут. Несколько раз останавливали машину и выволакивали Алекса наружу, чтобы бить на просторе, то есть с замахом, с разбега, с удобствами. И, наконец, выкинули вот здесь, почти на шпалы, увезли с собой его кейс. Так что Наставник оказался прав: его, Алекса, стартовый вариант воистину назывался «без денег и документов».

5

История о том, как Алекс в двадцать три года, без денег и документов, но зато с переломами ребер, сотрясением мозга и ободранной «будкой» начал новую жизнь, – эта история заслуживает, безусловно, отдельного повествования. Но к убийству Мартина Марло и расследованию этого убийства все это имеет лишь косвенное отношение.

В конце концов, через двадцать лет Алекс, имея за спиной университетское образование, связи – так уж получилось – с небезопасными центровыми шалавами Москвы, неудачный брак и скромную, но стабильную должность министерского чиновника с уклоном в науку, поселился в коммунальной квартире недалеко от Смоленской. И зажил он жизнью холостяка средних лет и очень среднего достатка. Стал захаживать в скверик около знаменитой пивной, где и свел шапочное знакомство с инженер-капитаном, а также генерал-мюнхгаузеном Мартином Марло.

Училище и Наставники, командировка в джунгли Южной Америки – все это представлялось ему с годами как яркие, но беспорядочные грезы юности. И никто за все эти годы не сделал ему ни одного намека, не только что предложения. Видимо, конспирация один, о которой говорил Наставник, заключалась в том, что о нем просто забыли. Махнули на него рукой.

И вот незнакомый мужской голос по телефону сказал: «Марло убили. Поезжай к нему. Если хочешь узнать, кто да что, действуй по обстоятельствам».

И он позвонил сначала Валентине, а потом поехал к Марло. Там ему дали по голове, втащили в квартиру и оставили в покое. А Марло действительно убили. О'кей. Вопросы, конечно, были. Первый и основной: кто и за что убил Марло? А из этого, основного, распукался уже и целый венчик вторых-третьих-четвертых.

Кто ему звонил? Нет, это даже не шестнадцатый. Почему ему позвонили? Начнем с примитива. Некто обнаружил труп Марло. Ага, значит, не просто некто, потому что обнаружил в его квартире. Значит, имел туда доступ. Ну, один из его приятелей, один из собутыльников со Смоляги, допустим, для простоты. Откуда он имел ключ? Здесь два варианта. Первый: это родственник или очень близкий, давнишний кореш. Ведь Марло частенько неделями, а то и месяцами отсутствовал в Москве. Квартира пустовала. Ну, по дружбе, ключ мог на это время передаваться. Вариант второй: человек мог быть вполне случайный. Позанимались у Смоляги пивком, затем Марло пригласил к себе. Задавили бутылочку. Не хватило. Напарник пошел за горючим. Нет, второй вариант не склеивается.

Зачем, посылая случайного друга на десять минут в магазин, отдавать ключ? Может быть, Марло прикидывал, что может отключиться и не услышать звонок? Но для этого такому бизону, как Мартин, надо ну очень уже принять.

Алекс оглядел гостиную. Прошел на кухню. Нет, и не похоже. Наметанным взглядом он определил, что ни о какой пьянке, тем более грандиозной, которая могла бы иметь место в этой квартире несколько часов назад, и речи не идет.

Убрали следы? Все протерли, вымыли и расставили? Может быть. В случайного пьянчугу со Смоляги верилось с трудом. Как и в то, что Валентина случайно сидела в прошлую ночь на своем балконе и заметила Марло, случайно вышедшего погулять в три часа ночи. Правда, у этого случайного пьянчуги были и некоторые преимущества. Во-первых, если он со Смоляги, то мог иметь телефон Алекса. С кем только там, в чаду и гаме, не обменивались они телефонами. Алекс пользовался в пивной репутацией солидного мужчины, умеренно пьющего и с положением. С каким именно, с этим никто там никогда и ни к кому не лез. С положением – это значит, не бомжа беспросветная, пьянь беспробудная. С положением – это значит появляется мужик в коллективе, выпьет, постоит, потолкует и побежал в город по делам. И значит, при случае может что-нибудь предпринять. А во-вторых, что более важно, посылка гонца в магазин объясняла проникновение в квартиру убийцы. Одного или нескольких. Звонок в дверь,

Мартин открыл... остальное понятно. Нет, опять не очень. Если дал ключ, то зачем звонить? Допустим, хозяин квартиры мог подумать, что у гонца не получается с замком. В первый раз все-таки открывает. Но тогда естественно, подойдя к двери, небрежно этак окликнуть:

– Ты, што ль, Хмырь? Чего, открыть не можешь? – И что же ему ответили? Ничего не ответили? Или ответил другой, но тоже знакомый хозяину голос? Или даже сам Хмырь, но уже стоявший под дулом или ножом, как стоял какой-то час назад сам Алекс, под стволом Хорька? Впрочем, в этом последнем случае совершенно невероятно, чтобы самого Хмыря отпустили с миром, а не замочили вместе с Марло.

Впрочем, все это в предположении, что он, Алекс, рядовой, частный гражданин, кем он, чем дальше, тем увереннее, и считал себя в течение последних двадцати лет. Если же он все еще выпускник Училища, то ни о каких дешевых случайностях речи не идет. В этом случае кому-то необходимо, чтобы состоялось серьезное расследование и чтобы провел его именно он, Алекс. А еще это значит, что и сам Мартин Марло был личностью непростой. Зачем-то он играл столько лет роль шута горохового в знаменитой московской пивной.

6

Следователь Никонов, отпустив третьего допрашиваемого, подписал третий протокол. Самолично вытряхнул пепельницу в корзину для мусора и открыл окно. Расстегнул фирменный китель и с хрустом потянулся. Немного подумал, чему-то улыбнулся про себя – наверное, тому, что на сегодня с делами покончено, подошел к двери и запер ее на два оборота ключа изнутри. Затем подошел к сейфу, открыл его и извлек стоявшую у самой задней стенки початую бутылку молдавского коньяка. Налил себе треть стакана, а затем доплеснул до половины.

Все это дело яйца выеденного не стоит. Потому что ничего не стоит и сам клиент. Никонов еще утром, после первого допроса, осторожно, через знакомых, позвонил туда-сюда и выяснил, что ни в каких солидных учреждениях Мартин Марло в штате не значился. Разумеется, он мог быть в списках, которые не только что по телефону, а и вообще не предъявляются. Никогда и никому. Разве что новому шефу. Да и то не всегда и не в полном объеме. Списки тайных агентов, некоторых тайных агентов, хранились даже не в компьютерах, а в головах заматерелых отставников, мирно доживающих свой век на подмосковных дачах. Неприкосновенный запас на черный день икс, на все скорбные дни нашей жизни.

Марло – секретный агент? Ха-ха. Годы напролет выстаивал в скверике у пивнушки, трепался направо и налево, фанфаронил и загибал, совал всякой пьяни сомнительные документы. Конечно, в его байках чувствовались некие осколки какого-то знания. Ну да это мало ли?

Может, от дружков набрался, таких же, как он, хвастунов и керосинщиков. А может, и самого его в молодые годы несколько раз использовали. По мелочам. На подхвате.

Нет, с этим делом все. Все три протокола немедленно пойдут в бумагорезку. И далее на измельчение, под сырье, для нового картона. Кассета с записью всех трех допросов у него в кармане. Вот ее-то он и отдаст заказчику. И никаких более следов сегодняшнего расследования оставаться не должно. Потому что сегодня следователь городской прокуратуры Никонов занимался частным делом. Выполнял частный заказ. Использовал служебное положение... в бескорыстных целях.

Никакой выгоды он из этого не извлечет, потому что попросила его об этом сегодня утром его теща, Виктория Николаевна Рейнгольд. Таковую тещу послушаться – себе дороже. Когда-нибудь он скинет это иго.

Он, Петр Никонов, провинциал и тугодум, поднимется по всем должностным ступенькам, укрепится и прорастет. И вот тогда-то он и заявит этой столичной штучке, своей порченной-переперченной жenuшке: «Выбирай! Или я или Виктория!» Но сейчас, сейчас об этом и думать не моги.

Утром ему позвонила с дачи Рейнгольдиха и сказала:

– Петр! Есть такой выпивающий мужик, звать Мартин Марло. Вернее, был. Сегодня ночью или под утро его убили. Мне надо, чтобы ты провел неофициальное расследование. Он много лет был завсегдатаем пивной на Смоленской. Знаешь, это через Садовую от МИДа, чуть наискосок. Там еще такой скверик. Опроси его дружков-алконавтов, может, кто что слышал.

– Да зачем вам... – начал было Никонов, но Викторю, как всегда, нельзя было остановить.

– Он связан с нашей родней. Кое-кто интересуется. Все же некрасивая история. Тебе-то что? Главное, чтобы это по документации у тебя не проходило. Возьмешь на магнитофон, а запись отдашь мне.

И пока добирался в метро до работы, Петр Никонов время от времени теребил свой нос. Видно уж на роду ему написано оказываться в подобных дурацких положениях. С одной стороны, он, разумеется, был обязан доложить своему начальству о планируемых допросах. (Хотя и это дико звучит, ибо это именно начальство могло ему поручить расследовать некое

убийство. А он-то тут при чем со своей инициативой?) С другой же стороны, Виктория и сама начальство. И если работу в крайнем случае можно было сменить, то послушаться Викторину значило потерять жену, рыжую красотку Римму, а за этими двумя чертовыми бабами стояли московская квартира в центре, две громадные дачи и, что самое главное, связи, связи и связи.

Отец Виктории, Николай Рейнгольд, был генерал-лейтенантом царской армии. При этом, какого рода войск или какого рода военной или околвоенной специальности, по крайней мере при Петре, не уточнялось. И что самое удивительное, наличие такого знатного и стопроцентно идеологически чуждого предка никогда в семье не скрывалось.

То есть не только в последние, перестроечно-переверточные времена, но и многие-многие годы до этого. И фотография генерала Рейнгольда – с росписью лихими завитушками на обороте картонка – светопись Ф. Наппельбаума, – с высоким, жестко накрахмаленным воротничком, с роскошными усами а ля Фридрих Ницше, – не пряталась по антресолям, а гордо красовалась на трюмо, в гостиной квартиры Виктории.

И при этом никаким уплотнениям, не говоря уж об иных преследованиях, эта весьма широко живущая семейка никогда не подвергалась. Более того, в начале тридцатых, невзирая на железный занавес, Виктория спокойно выехала в Париж, где несколько лет прожила у своих родственников, выходцев из Грузии, а в конце тридцатых так же спокойно вернулась в Москву. Более того, внучка таинственного генерала, Римма, спокойно поступила на юридический факультет МГУ и закончила его ничуть не менее уверенно, чем сын рабочего класса и трудового крестьянства Петенька Никонов. Поистине, за что боролись? Так мог бы возопить студент Никонов, впервые попавший в их роскошные подмосковные особняки. Но его осторожного провинциального ума хватило на то, чтобы задавать подобные вопросы про себя.

Мог бы он, как хоть и начинающий, хоть и не гениальный, но все же юрист задаться вопросом: как это возможно, что потомки разгромленного эксплуататорского класса не только не скрывают своего происхождения, не сидят, забившись в щель, тише воды ниже травы, но, напротив, живут более широко, чем иные партийные вожди очень и очень высокого уровня.

Студент Никонов не был красавцем, отличником и даже комсоргом. Но он был успевающим, ни с кем не конфликтовал, выпивал и покуривал весьма умеренно.

А в общем, был плотным, русоволосым парнишей, с чубчиком, вот что интересно. Его типаж мог бы называться «положительный мужик». На третьем курсе, после того как он пошел провожать Римму после какой-то вечеринки, они с ней сошлись, а на четвертом поженились. Позже Петр понял, что в то время Римма нагулялась и намоталась, изгулялась и оборвалась. Золотокудрая, со спортивной статью лошадка приняла слишком резвый жизненный старт и засветилась уже на первых кругах, завязла в нескольких компаниях, замешалась в нескольких грязных историях. Маман Виктория на том этапе мудро рассудила, что перемена участи придется ее ангелоподобной девочке как нельзя более кстати. И ее расчет, по крайней мере на несколько лет, себя оправдал.

И Петр, после звонка тещи, связался со знакомым ему капитаном милиции Петуховым и попросил его доставить ему нескольких хмырей со Смоленги.

– Без формальностей, – так закончил он свою просьбу.

– Как, то есть, без формальностей? – спросил Петухов. – А что я буду им говорить?

– А так, – ответил Никонов, – подгони рафик к этому гребаному скверику да и пригласи пару-тройку. Мол, не волнуйтесь, обычная проверка. А сам их сюда, ко мне. Я побеседую и отпущу. Ничего с ними не будет, не волнуйся.

– А если упрутся?

– Не упрутся. Они же выпивши? Выпивши. Ну и все. А ты не пугай, не дави. Мол, побеседуем, и лады.

Петухов все исполнил в лучшем виде, и состоялись три беседы с тремя хмырями. И три протокола, набросанных просто так, для отвода глаз, превратились уже в сырье для нового картона. А магнитофонная кассета лежала в кармане его пиджака. Ничего интересного он для себя в этом деле не обнаружил. Вот сразу и видно, что провинциал. Да и юрист, если правду сказать, говенный. Неплохой он мужик, Петр, но ведь это же не профессия.

Двое из троих утверждали, что Марло пришли не прошлой ночью, а еще неделю назад. То, что Никонов не придавал этому большого значения, еще можно понять. Ну, в самом деле, они же там все не просыхают. Что они там помнят? День-ночь или неделя. И потом, в подобной среде часто беспричинно вспыхивают самые невероятные слухи: «Колян повесился! Я те говорю! Сеструха его вчера Зинке из продуктового говорила. А остальные задохнулись. От газа». И не успеет компания со вкусом поохать-поахать, как глядь, вон он, Колян, стоит и протягивает рабочую ладонь. А остальные, те, что якобы задохнулись, подносят Коляну кружки белошапочные.

Ясно, что насчет сроков напутали эти ребята. Могли напутать. И это вполне логично предположить.

А вот еще по двум пунктам, которые он не принял во внимание, следователя Никонова оправдать трудновато.

Если бы он был коренным москвичом, он непременно обратил бы внимание на номенклатурный адрес Марло. В таком переулке и в таком доме иметь отдельную квартиру совсем пустой человек никак не мог. Даже если бы досталось ему такое по наследству. Выжили бы, вытеснили, пропил бы или обменял, а то и вовсе пошел бы по графе пропавших без вести. Если бы он зацепился хотя бы за переулок, и не поленился бы подъехать туда, к дому, и зашел бы в подъезд, и был бы остановлен мымрой-консьержкой, с ее неизменным: «Вы к кому?» Но он ничего этого не сделал.

И наконец, как юрист, Петр Трофимович должен был бы задать себе вопрос: откуда Виктория Николаевна уже утром знала об убийстве, которое произошло где-то ночью или ближе к утру. От кого? От самого убийцы? Совсем чепуха. Какое уж тут тогда расследование. Тут уж маячит соучастие, сговор. Сиди и не высывайся. И что расследовать? Все равно какая-то лажа. От него все бы и узнала. Уж в десять раз больше и конкретнее, чем... сплетни старые собирать. И это ей, такой-то теще, обращаться с просьбой к нему, такому-то зятю?

И вот по этому пункту тоже не шибко задумался следователь Никонов. Не проявил он тут интуиции или того, что называют звериным чутьем. Будь у него развито чувство опасности, оно подсказало бы ему, что перед ним дело, любая причастность к которому опасна для жизни.

Все, что исходило от Рейнгольдихи, он давно уже объяснял однозначно: значит, так надо. А иначе уже с первых шагов, когда он только входил в ее жизнь, пришлось бы задаться вопросом: так кто же победил в семнадцатом году?

Никонов запер коньяк в сейф и посмотрел на часы. Предвыходной день, начальство на совещании и уже не вернется. Следовательно, вполне уже можно двигать в сторону дачи.

Перед уходом он решил позвонить капитану Петухову, уточнить, все ли прошло гладко с доставкой хмырей обратно на Смолягу. Хотя что там такое могло произойти на обратном пути? Небось уже стоят в своем скверике, чувствуют себя героями и разливаются соловьями, как их аж в городской прокуратуре раскалывали за какого-то Марло. Нарушил он, конечно, нарушил. Провел частное расследование. Конечно, какое там расследование! Виктории виднее. Она же зла зятю не желает? По крайней мере такого, по служебной линии.

В кабинете капитана Петухова никто не брал трубку. В квартире капитана Петухова к телефону обычно подходила его жена, Екатерина. Но и в квартире никто не брал трубку.

Следователь Никонов пожал плечами, еще раз хлопнул себя по карману, где лежала кассета, и покинул служебный кабинет.

7

Римма знала, что однажды он крикнет ей: «Выбирай! Или я, или Виктория!» Будет это не раньше, чем он станет государственным советником юстиции третьего ранга, следователем по особо важным делам, – но это будет.

А сейчас его не надо трогать. Все, что ему нужно, это десять-пятнадцать лет простого карьерного существования.

Такие колобки катятся по своей тропинке неспешно, но неостановимо.

Ну и быть посему. И не надо здесь ничего трогать. Смешивать жанры. Сегодня она вернулась на дачу от своего последнего любовника, грузного красавца полковника Воронова.

В течение этого свидания они поочередно использовали широченную тахту, громадный толстый ковер и, под конец, даже бильярдный стол, стоявший на веранде второго этажа. Веранда выходила на глухой угол заросшего дачного участка, и все же... Мог же ведь кто-то случайный оказаться внизу, скрытый кустарником? Пикантность в духе бездомных студентов.

Римма только покусывала губки и коротко, как бы по-щенячьи, взвизгивала.

...Она лежала на зеленом сукне бильярда, разметавшись, белая, к ней не приставал загар. Полковник совсем как бы забылся. Положил ей на бедра по бильярдному шару, а третий легко опустил на живот. Затем взял с подставки мелок, не тот, которым мелют кий, а остренький грифель для записи счета, при игре в пирамиду. И затем стал, как бы пританцовывая вокруг Риммы, проводить острым концом мелка по ложбинке между полных грудей такого же, как все тело, прозрачно-белого с легким золотистым отливом цвета. Не царапая, конечно, и не пачкающая кожу мелом, а так, легко касаясь. Любовь и виски предельно растормозили центр речевой активности молодого полковника, и он бормотал что-то свое, по-видимому не отдавая себе отчета, зачем ему нужно все это говорить.

– Понимаешь, иногда надо просто выяснить, существует какая-то структура или нет. Всего лишь выяснить, детка, это ведь так немного. Но иногда из-за этого льется кровь. Люди как люди, и к ним нет претензий. Но структура... сама себя не осознает и не понимает, но существует. Иногда десятки лет.

– У меня озноб. Перестань, – сказала Римма, прикрывая груди рукой.

– У нас даже есть чудаки, – продолжал Олег, – которые утверждают, что не только десятки, но и сотни лет. На них не укажешь, но по следам их... А нам если и случилось напасть на явные следы таких структур, то при расследовании некоторых нашумевших убийств.

Раздался сигнал пейджера.

– Да, Воронов слушает, – сказал Олег Юрьевич.

Выслушав, захлопнул крышку пейджера. И сразу превратился из юного, болтливового павиана в уставшего, грузного мужика. Немного раздосадованного. Даже рассерженного.

– Капитана милиции, представляешь? На его же собственной квартире. Изрезали в лохмотья. Крови ведро потерял. В реанимации.

– А почему тебе о каком-то капитане сообщают?

– Видишь ли, есть такие ведомства, и МВД в их числе, о любых нападениях на сотрудников которых должны сообщать именно мне. – Затем, сняв с ее тела три бильярдных шара и укладывая их на полку, уже совершенно спокойным и трезвым голосом добавил: – Да, капитан здоров оказался – всего лишь в реанимации. А жену его – насмерть.

8

Олег Воронов собирался было поехать к себе в управление, чтобы зафиксировать поступившее сообщение по всем правилам и спустить его далее вниз, кому-нибудь из подчиненных. Но что-то мешало ему немедленно начать действовать согласно уставу и его служебным обязанностям.

Воронов был силен и молод, красив и, некоторые бы даже сказали, распутен. Но он был профессионал. Поэтому ему и был предоставлен шанс. Он был вставлен в структуру. В обойму. В команду. Ему был предоставлен шанс, то есть он был выведен на старт. Но прохождение дистанции зависело уже от самого бегуна.

Олег не любил спивающейся золотой молодежи. Хотя по рождению и первому кругу друзей детства вполне мог принадлежать к ней. Но простое потребление жизни, без контроля и властного участия в ней, оказалось для него недостаточным. Олег прекрасно знал, что все то, что он исполнял согласно уставу и служебным обязанностям, мог бы исполнить и любой другой. Главная же его карьерная динамика держалась на нескольких его точных реакциях, на его решительном и вовсе не рутинном участии в нескольких делах, которые могли произойти только в центре Москвы и которые начинались для него вот точно так же – с сообщений, на которые можно было бы и не обратить внимания. Отфутболить. Оформить. Зацементировать. Мало ли их, таких-то сообщений. Таких или подобных происшествий. А потом оказывалось... На них можно было сложить голову, а можно было и уйти в сторону. Но второе означало уйти от жизни. А он чувствовал вкус к ней.

Сначала у него мелькнула мысль: капитан милиции... что там грабить? И как-то очень решительно исполнили. Нашли, видимо, предлог, чтобы им открыли. Как будто спешили, и именно только это и требовалось.

Он перезвонил и уточнил обстоятельства. Да, именно так, именно какая-то спешка. Учитывая время ухода капитана со службы и время на дорогу, к нему пришли буквально минут через двадцать после его возвращения домой. Может быть, потому и были пущены в ход ножи, что за огнестрельным некогда было уже заезжать. Да, видимо, никакие угрозы и никакая игра такой развязке не предшествовали. А раз так торопились, раз так грубо ворвались и кромсали (так неподготовленно, что аж в полуживых оставили), то дело возникло недавно и внезапно. И значит, связано оно с последними часами нахождения капитана Петухова на службе.

Капитан милиции... в том-то и дело. Поэтому-то полковник Воронов и размышлял. Грабить нечего – это еще самое первое. Есть и второе, еще более странное. Что уж такого мог узнать Петухов на службе, чтобы его немедленно решили пришить?

До каждого человека может дойти только та информация, которая соответствует его месту в табели о рангах. Бывают, правда, нестыковочки. Вот на них-то Олегу Воронову и удавалось иногда обращать внимание. А иначе... стал бы он размышлять.

В отделении Петухова был такой лейтенант Гринько, которому не надо было ничего объяснять насчет полномочий полковника Воронова. (Ибо он и сам имел некоторые полномочия, не вполне соответствующие званию лейтенанта милиции.)

Гринько быстро выяснил, что с утра Петухов обозначился в скверике около пивной, видимо, проводил там профилактическую работу. И вроде бы даже кого-то забирал. Но в отделение никого не доставил.

Наверное, штрафанул или так отпустил. Но спустя несколько часов опять мелькнул у пивной ненадолго. Вот пока и все, что выяснил Гринько.

А по документам в отделении и вообще ничего. Так что официально, считай, бесконфликтным было последнее дежурство капитана Петухова.

Воронов поблагодарил Гринько.

А через полчаса он уже поднимался из полуподвального помещения пивной в скверике, с растопыренными пальцами обеих рук, унизированными, как крупными желтыми перстнями, кружками жигулевского.

Прислушавшись к мужикам, кучкующимся вокруг стоящих прямо на траве бутылок, Воронов быстро выделил два ключевых слова: Марло и прокуратура. Выходило так, что Марло – кем бы он ни был – пришили неделю назад, а в прокуратуре лепили, что еще вчера он был жив. Недоверие, смешанное с уважением к рассказчикам, а их было трое, вызывал сам факт, что их доставили не в отделение, а в прокуратуру. Тут же, как водится, имелись доки-законники, которые согласны были «век свободы не видать», но клялись и божились, что так не бывает, «не лепи, понял, горбатого», что трое нигде не были, а керосинили заодно с Петуховым прямо в рафике.

Но трое рассказывали складно, приводили детали допросов и обстановки у следователя, так что почтенное общество не знало, чью сторону и принять.

Воронов одному поставил для знакомства пива, другому дал денег, чтобы он сбежал за портвейном, после чего на него перестали коситься.

А после второй выставленной «белой» перестали обращать на него особое внимание. Приняли за вполне своего, то есть за деталь окружающего пейзажа.

Крупно лажанулся капитан Петухов на том, что исполнил, казалось бы, несложную просьбу своего знакомого. Но он уже заплатил за это. Крупно фразернулся следователь Никон, исполнив просьбу своей тещи и надеясь, что все будет шито-крыто.

Ну да он не коренной москвич. Откуда же ему было знать, что это за объект такой – пивная на Смоленской?

И уж вот так по-крупному ошаршнулась сама Виктория Рейнгольд. Нашла к кому обратиться, да уж, видно, с утра и в запарке. Иначе не нарушила бы основного правила разумных людей, к коим себя причисляла: сначала подумай, а потом сделай.

И вот теперь ее маленькое, невинное анонимное расследование обсуждалось гласно и громогласно, судилось вкривь и вкось несколькими десятками разгоряченных зеленым змием мужчин. Ее бездумное и неподготовленное обращение к зятю, разумеется, оставалось им неизвестным.

Но дискуссия только начиналась, из-за кустов подтягивались новые силы. И до чего бы они могли договориться за неделю-другую, если не случится новая сенсация.

Но у Воронова не было недели-другой, да они были ему и не нужны. Он шел по следам одного убийства, а попал на публичный диспут о другом. Убрали какого-пижона с экзотической кличкой Марло, причем не то неделю назад, не то прошедшей ночью. Дело принято к ведению городской прокуратурой. Но если, как утверждает следователь, это действительно произошло несколько часов назад, то уж больно лихо это все. Гм-гм, знаем мы наши темпы.

Олег специально выпил с одним из рассказчиков, потом со вторым и с третьим. Специально налил им из отдельной фляжечки коньячку и на закуску отломил по доброму ломтю шоколада. Специально, чтобы они заметили и отметили его. И внушал каждому мысль, что они если и не герои, то уж настоящие мужики, бывшие сегодня в настоящем деле, им есть что рассказать, а у него найдется добре выпить и закусить. И неплохо бы пообщаться в спокойной обстановке, а халявщиков этих отсечь. Да, уж на халяву всякий горазд – вполне поддерживали его мысль все трое.

Воронов договорился с ними, что подойдет минут через пятнадцать, а сам зашел в подъезд одного учреждения, через дом от скверика, и уединился в маленьком кабинетике, сразу за турникетом проходной с военизированной охраной.

На этот раз лейтенант Гринько ему помочь не мог, и он позвонил в свое управление. Ему нужны были данные по городской прокуратуре. И такие данные ему были предоставлены,

причем данные отрицательного характера. Никакого дела об убийстве Варло, Марло или папы Карло к производству в прокуратуре принято сегодня не было.

Тогда он позвонил в прокуратуру, где у него тоже был свой Гринько. Правда под другой фамилией, да и не лейтенант, а так, сержантик на входе. Сержантик спросил номер телефона, с которого говорил Воронов, затем сказал, что он уже закончил смену и через пять минут ему перезвонит. С уличного телефона-автомата, как понял Олег. Через пять минут разговор состоялся. Да, к одному следователю по фамилии Никонов приводили сегодня каких-то трех лопухов. Через него же они и выходили. Кажется, их рафик милицейский во дворе ждал.

Воистину, Москва – страна чудес. Убийство, которое еще не оприходовано в прокуратуре, всюду обсуждается в самом центре, на Смоленской площади, десятками людей. Где-то он слышал странные словечки: «конспирация один». Где и когда? Э, неважно. Так, может, это она и есть, конспирация один, когда все знают все и все неточно?

9

Алекса клонило в сон. Болела голова в том месте, по которому его шарахнул «хорёк». Зря ему позвонили, если только действительно все дело в расследовании. Навыки, какие и были, за двадцать лет утрачены, видимо, начисто.

Что он здесь делает? Зачем пришел? Если все дело в тщеславии, что вот, мол, вспомнили, позвали, чего-то от него ждут, то тем более, какой он там монах-воин? Все эти мелкие чувства и страстишки по поводу того, что столько лет никому он был не нужен, полноценного выпускника Училища не должны бы волновать вовсе. Как прошла твоя жизнь, то и славно. Ведь в любом случае время проходит. И пусть кто-нибудь попробует доказать, что, ничего не делая, он сделал меньше, чем кто-либо другой.

Навыки утрачены, но кое-что Алекс еще помнил и понимал. В частности то, что проекты вставлены один в другой, как матрешки. И всегда можно рассмеяться в лицо тому, кто скажет, что держал в руках самую большую.

А еще у разведок мира в ходу термин «спагетти». Это когда проекты не вставлены один в другой, не субординированы, а переплетаются между собой, как гибкие, тонкие макароны. И твое дело тогда только служить вилкой, то есть наматывать на себя прямо из середины спутанной, клейкой массы. А где уж там концы и начала...

И Алекс не мог сердиться на Наставника. Пусть двадцать лет прошли ни шатко ни валко, если, прямо сказать, не бесцельно. Ведь и у других, в общем-то, так же. Но у них не было Наставника. А у него он был. И есть. И будет. И это чувство – на всю жизнь.

Они сидели тогда вдвоем, где-то с месяц назад, в летнем кафе около Планетария. Марло уже так нагрузился, что Валентина и Алекс, не обращая на него внимания, выясняли отношения открытым текстом. В конце концов, она сказала:

– Хорошо, я уйду к тебе. Насовсем. Мне это тоже все надоело. И я уже боюсь. Сама себя. Но ты не оставишь Марло просто так...

– Хорошо, мы не оставим его, – согласился Алекс.

– Именно ты. Потому что я, после того как уйду к тебе... мне не хотелось бы больше его видеть. Это для меня было бы слишком. Вот, – Валентина достала из своей сумочки ключ и протянула его Алексу, – возьми, это от его квартиры. Мне он больше не нужен. Но я не выбрасываю его в канаву, – и это относилось как бы и к ключу, и к самому Мартину, – а передаю тебе.

– А с чего ты взяла, что я могу быть полезен Мартину?

– А кто же?

– Не знаю. Может быть, ты и сама не знаешь. Но, скорее всего, это другой. Не я. Так у Алекса оказался ключ от квартиры Марло. Ну вот он им и воспользовался.

А начинать надо всегда с элементарного. А элементарное в том, что он находится в квартире, с хозяином которой он разве что шапочно знаком. Был. И ближе уже не познакомится. Хозяин квартиры убит. И рано или поздно факт этот будет обнаружен. И консьержка, разумеется, вспомнит, как он сказал: «В шестьдесят четвертую» – и опишет его внешность.

Так что он должен сделать сейчас, чтобы выполнить, теперь уже раз и навсегда единственное условие Валентины: «Но ты не оставишь Марло просто так».

Что? Сообщить властям и будь что будет? А мужской голос по телефону? Этому что нужно?

И наконец, третья сторона, сам Алекс. Что нужно ему самому? Пожалуй, всего лишь немного удачи и счастья с Валентиной. И пусть она никогда не узнает, почему он показался ей интересней, чем обычный сотрудник обычного аналитического центра. А мужской голос по телефону...

Ну что ж, если он действительно возжелал подключить к этой истории монаха-воина, то, наверное, должен понимать, что это такое. А это вот что такое. Алексу сказали: давай действуй по обстановке.

Вот он и будет действовать по обстановке. Уйдет он сейчас отсюда, перейдет улицу и поднимется к Валентине. И позвонит дежурному по городу и сообщит об убийстве.

Алекс снял с диванчика, на котором только что сидел, плед, и подошел к мертвому Марло. Накрыл его пледом с головой.

А может быть и вообще случайная драка? Профессионалы ведь убивают внезапно и чисто. Убирают. Марло же лежал в изодранной в клочья рубашке, с громадными кровоподтеками на груди, с лилово-коричневой, вздувшейся подушкой вместо левой части лица, с вывихнутой или даже сломанной в локте левой рукой.

Как там у них пишут? На почве внезапно вспыхнувших личных неприязненных отношений. Может быть. Все может быть. Нет, он не сыщик, он другой. Поэтому и не будет он ничего здесь искать. Или проводить иные следственные действия. Пусть этим займутся другие.

Он спустился вниз, на ходу прикидывая, сказать что-нибудь консьержке на выходе или просто кивнуть головой. Но за стеклом в холле консьержки не было. Вместо нее, привязанный к стулу и с каким-то бинтом, плотно наложенным на рот, вращая выпученными глазами, сидел «хорёк».

Алекс хотел было уже проскочить мимо, но «хорёк» еще сильнее замычал – аж через бинты доносилось – и еще яростнее завращал глазами.

Алекс остановился около него, разрезал узел на затылке и размотал бинт.

– Ну, тебе чего?

– Развяжи, корефан, я тебя стукнул не по делу, развяжи, я тебе отбатрачу.

– Где консьержка?

– Не знаю. За мусорами, наверное, побежала. Канать надо.

– Вот я и сканая. А ты мне зачем?

– Кончай, земля, петли путать. Я что, думаешь, за хреном с квасом к Марло прыгнул? Я у него кое-что оставил.

– Что оставил?

– Развяжи, покажу. Подыдемся и возьмем. Это ж на тебя телегу катят. Шляпа с кляпом. Мне что? Мне сказали, я сделал. А на тебя телегу.

– А если не успеем? Ты сам говоришь, за мусорами старая побежала. Кстати, как это она тебя?

– Да вот так. Кликнула, я сдуру подошел. А она из-под стола ноги-то вытянула, да вокруг моих, как капканами. А потом как дернет. Я затылком и грохнулся. Хорошо вот на ковер на этот. А если б на мрамор?

– Молодец старушка. Так вас, фраеров, и учить надо. Ну, а если все-таки не успеем?

– В этом подъезде есть много ходов.

– Подземных, что ли?

– Всяких. В смысле возможностей. Второй раз я на эту овчару не вылезу. Не боись, прорвемся. А если сейчас у Марло не побываем, гляди... телегу на тебя катят.

Алекс на всякий случай похлопал «хорька» по бокам и спине. Пушки, разумеется, у того уже не было. Старушенция, видно, на это место тоже не из балета пришла. Без пушки «хорёк» был не опасен. Алекс начал развязывать его руки, прикрученные к спинке стула.

10

Олег Воронов, как и обещал трем рассказчикам, добре угостил их в ближайшей кафешке. Мужчинки закосели и поплыли, как от выпитого, так и от цен на то, чем их угощали. Воронов, разумеется, никакого даже подобия допроса не устраивал. Он знал, как это делается. Он просто пустил беседу, как бутылку по кругу. Просто дал им высказаться. Возбужденные подвыпившие мужики, да еще пережившие некое подобие приключения, разумеется, должны были все припомнить. Да не по одному разу. Его дело было только сидеть и вслушиваться, просеивая словесную шелуху, намывая, как старатель, крупы истинной информацией.

Поэтому он и сидел, как бы немного отстранясь от веселящейся троицы, больше общаясь с официанткой и вдумчиво, равномерно выпивая и закусывая.

Основная картина сегодняшнего «приключения», случившегося с тремя заслуженными алконавтами, была ему ясна. Но оставались два вопроса. Во-первых, с чего это вдруг капитан Петухов выступил явно не по делу, то есть доставил троицу не в отделение милиции, а к следователю Никонову, где с них был снят явно неформальный допрос о некоем Марло? А во-вторых, почему, чуть ли не сразу, некто побежал из скверика вслед за капитаном, отправившимся домой? Что за спешка такая возникла, чтобы немедленно, явно без всякой подготовки, попытаться вывести капитана из игры? То есть какая такая игра возникла в те двадцать-тридцать минут, что капитан вез их на рафике обратно в сквер и после того как они благополучно заняли свое место там, в теплой компании?

И поэтому Воронов как бы нехотя, как бы только из вежливости участника выпивки, бросил: «Ну, следователь-то темнила. Сам не знает, чего хочет. А капитан-то на обратном пути душу не мотал? Сузил он, таким образом, несколько чрезмерно разгулявшийся разговор, как бы опять теряя к нему интерес. Стал поглядывать на дамочек за соседними столиками.

Достаточно ведь задать тему для разговора. А теперь можно и просто послушать. И наконец, среди сбивчивых восклицаний и полупьяной словесной каши мелькнуло, а потом и несколько раз было повторено ключевое слово: Григорий. Он же Гриша-маленький.

Воронов почти не сомневался, что в действительности речь идет о некоем здоровенном детине, потому что он знал этот юмор, присущий дворовым и околотивным компаниям, называть малышом, карапетом, недомерком как раз самого высокого в компании. Ну что ж, если это так, то тем легче будет определить в сквере этого Гришу-маленького.

Оказалось, что капитан на обратном пути вовсе не мотал им душу, а, наоборот, они сами все время втягивали его в разговор, не в состоянии справиться с возбуждением после допросов. Апеллировали к нему, как бы к третейскому судье, почти как к своему. Все-таки капитан милиции был им понятней и ближе, чем следователь прокуратуры.

Вот они и цеплялись всю дорогу к Петухову и изгалялись уже над следователем за пережитые страхи.

– Нет, ты подумай, кэп, вот же баран упертый, следователь этот. Мы ему толкуем: Марло неделю назад заделали, а он химичит, что прошлой ночью.

– Да откуда вы-то знаете? – поинтересовался Петухов.

И мужики за столиком Воронова снова мучительно вспоминали, от кого первого они услышали об убийстве Марло. И опять выходило, что первым это шепнул тому и другому именно Гриша-маленький.

Ну а уж потом, через пару-тройку дней, эта версия, расцветшая, как и всегда, на Смоляге самыми невероятными подробностями и объяснениями (зарезала любовница, перестарались крутые за невозврат кредита и тому подобное), стала считаться общеизвестным фактом. Тем более что Марло действительно последнюю неделю в скверике не появлялся. А уж под конец появились и те, кто «шли за гробом».

Воронов только усмехнулся, так как прекрасно знал и эту категорию халявщиков, которые «шли за гробом» Гурченко, Магомаева, Пугачевой и других знаменитостей, неизменно оказывавшихся потом в полном здравии.

Но это выяснялось потом, а на момент обсуждения очередной сплетни полет фантазии придавал халявщику некоторую значительность, а значит, и обеспечивал дармовую выпивку от слушателей.

– Ну, а когда вас высадили? – небрежно подправил разговор Воронов.

А когда их высадили, они, разумеется, тут же стали центром внимания досужих дегустаторов жигулевского. Стоял там и слушал их и Гриша-маленький.

И они и ему, как перед этим Петухову, пожаловались на барана-следователя. Такой баран, что не очень и копал насчет нестыковки в дате убийства. А вот капитану они в рафике точно изложили, что произошло оно неделю назад и что первым сообщил это им он, Григорий.

– Ну и чего? – как бы окончательно осоловев, процедил Воронов.

– Да ничего. Шебутной этот Гришка. Подвздернулся чего-то и сканал. Побежал куда-то. Даже пиво не допил. Выплеснул полкружки на землю и поканал. Мудрила, мети его.

Через десять минут Воронов уже подходил к скверику. Фонарь над входом в пивную, несмотря на то что стояли самые светлые вечера в году, уже горел молочно-розовым светом.

11

В этот вечер служащий среднего звена Представительства ФБР в Москве Чарльз Харт принимал в своей московской квартире гостя с родины.

Собственно говоря, Харт был не служащим среднего звена, а офицером высокого ранга, правда, в штате не ФБР, а ЦРУ. Но об этом факте не знал даже резидент ЦРУ в России.

Разумеется, резидентура не могла не воспользоваться таким идеальным опорным пунктом, как официальное представительство ФБР, и свои люди у нее там были. Но Харт среди них не значился. Аэродромы и ракетные шахты, уровень шума атомных подводных лодок и даже карьерная возня в российском генералитете – все это было не по его части. В течение года своего пребывания в Москве, Чарльз пытался выработать общие оценки ситуации в том специфическом, глобальном направлении, которое интересовало некоторых руководителей Хэритидж Фаундейшн – Фонда Наследия, а также не имеющего ясных конституционных полномочий, но по общему убеждению всемогущего Совета по внешней политике. Вероятно, были и другие организации и даже частные лица, «пользователи» или абоненты подобных разработок. Но, подходя формально, это уже не касалось «генерала по особым поручениям» Чарльза Харта. И тем более прибывшего к нему на замену, на время его отпуска, майора Роберта О'Брайена.

Майор, как они и договорились во время межконтинентального телефонного разговора, прибыл по его московскому домашнему адресу прямо с аэропорта Шереметьево. Встречать его Харт посчитал излишним. Не было под рукой свободного доверенного человека.

– Как доехали, майор? – спросил Харт, вскинув на собеседника выцветшие голубые глаза, почти под цвет голубой же, тщательно отглаженной рубашки.

– Ужасно, – несколько растерянно буркнул О'Брайен, садясь в мягкое кресло, стоящее около круглого низкого столика резного коричневого дерева.

– Что так?

– Триста долларов. Вы представляете? О меньшем никто из таксистов и говорить не хотел.

– Не надо было бриться перед посадкой, Роберт. Неуместен и запах одеколona. Туфли, когда вы шли по аэродрому, тоже следовало бы... хм, подзапылить. Короче, у русских есть чудесная поговорка: «Будь проще, и к тебе потянутся люди». Кстати, точный ее смысл на английском – невыразим.

– И тогда?

– В лучшем случае – двести баксов. Но уж меньше – ни-ни.

– Они что? Да ведь за такие деньги в Нью-Йорке...

– Совершенно верно. В нашем благословенном Нью-Йорк Сити за три сотни вас могут покатасть аж на вертолете. Да еще полную кабину мулаточек насажать, чтобы вы не очень тосковали по утраченным деньгам.

– Но почему тогда вся Москва не занимается частным извозом? Ведь это здесь, как я понимаю, не запрещено?

– А зачем? Здесь каждый дерет, оставаясь на своем месте. Взгляните. – Харт отодвинул занавес. – Видите, налево наискосок, посреди сквера летнее кафе? Надо сказать, все там неплохо; удобные столики и стулья, цыганская музыка, масса зелени. Но мне противно платить им каждый раз по пять долларов за чашечку слабого кофе. И еще доллар – за стакан хорошо разбавленной минеральной воды.

– Пять долларов? Но почему?

– Свобода, друг мой. Русские понимают это буквально. А теперь, кстати, пройдите по квартире. Вам же здесь жить.

Трехкомнатная квартира, которую арендовал Харт, находилась в торце пятого этажа в доме так называемого сталинского типа, в переулке рядом с площадью Маяковского, ныне Три-

умфальной. Это были весьма поместительные, капитальные апартаменты с высокими потолками, десятиметровым холлом и двумя балкончиками, с наполовину обвалившейся штукатуркой. Итак, квартира была просторна и основательна, но это только по российским, а отнюдь не по штатовским стандартам. О'Брайен быстро обнаружил слабый напор воды в ванне, закопченный угол потолка на кухне прямо над газовой колонкой, неподогнанность дверей между комнатами, из-за которой они не могли как следует плотно закрываться.

– Ну, что вы скажете?

– Да в общем-то для одного человека – довольно уютно.

– Э, нет, майор. Я неправильно поставил вопрос. Вы знаете, сколько я плачу за эту квартиру в месяц?

– Долларов восемьсот?

– Вы ошиблись ровно на тысячу. Здесь, кстати, любят ровные цифры. Так что привыкайте округлять. Привыкайте считать на сотни, тысячи и так далее. Мелочиться здесь не принято. Итак, я плачу за эту уютную, как вы справедливо заметили, но совершенно допотопную берлогу одну тысячу восемьсот американских долларов. Каково?

– Но... мистер Харт...

– Чарльз, Бобби, мы не в конторе.

– Я слышал, Чарльз, что в Москве можно снять квартиры с европейским уровнем комфорта.

– Разумеется, можно, Боб. И даже именно здесь, в самом центре, как нам с тобой удобно. Три тысячи долларов. Ты меня понимаешь?

– Три?

– А то и четыре. И даже пять. А от таких цен даже бухгалтерия нашего ведомства начнет потеть. И заикаться. Я уж не говорю, что на такую расточительность начнут коситься наши же «коллеги», наши скромняги из эф-би-джи.

Харт плеснул в оба бокала виски, зацепил никелированными щипцами из красного ведерка несколько кубиков льда и опустил их в желтоватую, чуть маслянистую на вид жидкость.

Оба мужчины снова опустились в кресла и одновременно взяли в руки бокалы.

– Итак, О'Брайен, – майор отметил про себя перемену в обращении и стал собраннее, – за ваш приезд.

Они отхлебнули виски, поставили бокалы на стол.

– Вам здесь жить почти два месяца, если не произойдет ничего чрезвычайного. В этом случае я, разумеется, немедленно возвращаюсь к вам.

– Почему вам противно платить пять долларов за крошечную порцию плохого кофе, Чарльз? – спросил улыбающийся, румяный толстячок О'Брайен. – В Штатах, помнится, мы встречались с вами в нескольких компаниях, и там вы не производили впечатление прижимистого человека.

– Хороший вопрос, Боб. Я скажу тебе так, что это потому же, почему ты закричал здесь, как ошпаренный, про свои триста баксов, на которые тебя нагрели, а прямо сказать, ограбили в этом их Шереметьеве. Именно потому, что эти товары и услуги не стоят таких денег. Не стоят и половины.

– Рыночная экономика, сэр. Свободные цены – фундамент свободы вообще.

– Перестань трепаться, Боб. Через час мы расстаемся, и значит, у нас мало времени. Дрянные или пусть даже среднего качества итальянские туфли, которые по всей Италии, а значит и Европе стоят тридцать-сорок долларов, здесь красуются в витринах за сто пятьдесят, двести, двести пятьдесят. Ну и так далее. Я же тебе говорил, здесь считают сразу через сто. В крайнем случае через пятьдесят. Ты знаешь, что такое валютный коридор?

– Его ввели год назад. Согласно ему, обменный курс доллара в рублях не может превышать определенную сумму. Пять тысяч двести, по-моему. Или что-то в этом роде, с какими-то мелочами.

– Точно. Теперь смотри, что происходит. Невероятно высокие цены в долларах на все: товары, услуги, недвижимость. По некоторым позициям в два, три и более раз выше, чем на Западе. Москва стала одним из самых дорогих городов мира. А за счет чего, ты мне скажи? Здесь что, все самое первоклассное? Отнюдь. Так себе. Есть похуже, есть получше. Да и в основном все импортное.

– Вот именно, Чарльз. Высокие таможенные пошлины заставляют импортеров накручивать цену.

– Не тасуй, Боб. Не обходи углов. Какие таможенные пошлины платит тот водила, который ободрал тебя в Аэропорту? Или хозяин этой квартиры? Или хозяин вон той кафешки, который растворяет для меня растворимый кофе, купленный им в соседнем магазине?

– Это мелочи. Каждый, наконец, крутится как умеет.

– Да наплевать мне на этих крутящихся. Пусть себе крутятся хоть на собственных яйцах. Но это не мелочь, Боб. В городе оборачиваются миллиарды баксов.

– В Нью-Йорке не меньше.

– Правильно. Но Нью-Йорк – это столица мира. Место, где эти баксы и печатаются. И где они стоят твердо и вертикально. Как наши небоскребы.

– Но что тебя так волнует, Чарльз? Кажется, наша сфера – безопасность. А не финансы.

– А вот что меня волнует, мой мальчик. Доллар атакован здесь, в этом Третьем Риме, как они называют свою Первопрестольную, с двух сторон. Во-первых, повторяю, это чрезмерно, неоправданно высокие цены. Но это только во-первых. А во вторых, валютный коридор. Смотри, что получается. За год инфляция рубля составила тридцать-сорок процентов. Некоторые насчитывают до пятидесяти и более, но пусть, возьмем по минимуму. Итак, за истекший год рубль на треть подешевел. А обменный курс?

– Практически остался тот же. Весь год колыхался плюс-минус двадцать-тридцать рублей.

– И что же это означает, майор?

– Это означает, сэр, что и доллар за год подешевел на ту же треть.

– Нет, ты представляешь, Роберт, что сотворила эта загадочная русская душа с нашим родным зеленым баксом? Во всем мире доллар как стоял, так и стоит. Колебания курса на доли процента не в счет. Во всем мире, Роберт! Но только не здесь, где мы с тобой сейчас беседуем. Только эти загадочные русские ухитрились опустить наш родной американский доллар на треть. И ты спрашиваешь, почему мне противно?

– Но что это означает, сэр?

– Это означает, парень... Нет, ты задал не тот вопрос. А тот звучит так: кому выгодно?

– По-моему, никому.

– Слабо сказано, Боб. В стране сотни, если не тысячи долларовых миллионеров. Есть уже и миллиардеры. Ты представляешь, как ощущал бы себя Рокфеллер, если бы обнаружил, что за год его состояние уменьшилось на треть?

– Представить себе это невозможно, сэр. Но ведь инфляция доллара состоялась, так сказать, только здесь, в России? А самые крупные капиталы новых хозяев России, как известно, обретаются в западных банках. С ними-то ведь ничего не случилось?

– Не совсем так. На Западе осело несколько сот миллиардов. Но и здесь их не меньше. Если не больше. И именно из-за здешней дороговизны и загадочной долларовой инфляции их ввозят в страну все больше и больше. Русские националисты поднимают в прессе великий плач и стенания. Как же, из страны уходит валюта, Запад жиреет на наших деньгах. Но кто

считал, сколько их ввозят сюда? Зелененьких, новых, хрустящих? С металлической полоской. Стодолларовых. А ведь их везут, Роберт, мешками. Ящиками. Грузовыми отсеками самолетов.

– И здесь... все эти упаковки хрустящих банкнот худеют за год на одну треть?

– Если не на половину.

– Вот теперь, сэр, я вынужден повторить вслед за вами: кому выгодно?

– Тому, кто затеял недоброе, мой мальчик. Тот, кто не уважает доллар, тот не желает добра Соединенным Штатам. Да и всем нам, гражданам свободного мира.

– Новые хозяева России добровольно обесценивают свои состояния? Невероятно.

– А вывод, Роберт? Ну же, вывод?

– Это делают не они. Это делается или само собой, или теми, кто работает против них.

– Очень хорошо, майор. Пятьдесят на пятьдесят. Это уже кое-что. Первая часть ответа – в самую точку. Это делают не они. А вот вторая... не совсем так. Точнее, совсем не так. Само собой, конечно, такие вещи происходить не могут. Твой ответ: те, кто работает против новых русских богачей. Но кто бы это мог быть, а, Роберт? Националисты или, как тут говорят, патриоты, пока от принятия реальных решений отстранены.

– Тогда кто же?

– Я же тебе сказал: те, кто не желает добра Соединенным Штатам. Или, по крайней мере, абсолютно равнодушны, абсолютно не принимают во внимание интересы Соединенных Штатов. Те, кому безразлична судьба доллара, а значит, и судьба всей западной цивилизации.

– И кто же они?

– Вот чтобы найти их, мы с тобой и находимся здесь, Боб. Давай-ка набросаем портрет этих людей или организации. Одним словом, попробуем определить, чем этот субъект не является, – сказал Харт, делая ударение на частице «не». – Но сначала попробуй вот это. – Харт достал из бара бутылку водки «Кутузов» и налил граммов по пятьдесят в две тонкие рюмки с золоченым ободочком по верхней кромке. – Виски, Боб, это, конечно, для нас, англосаксов, святое, но местный климат, если не сказать география, удачнее монтируется с водкой. Оцени сам.

О’Брайен оценил, и, судя по удовлетворению на лице, оценка его оказалась весьма высокой. Затем, кинув в рот пару орешков из вазы, стоявшей в центре столика, спросил:

– И чем же этот субъект не является, сэр?

Харт уже не настаивал, чтобы его называли непременно Чарльз. Он и сам обращался к собеседнику то так, то эдак, что свидетельствовало о том, что беседа по-настоящему захватила его.

– Сначала определим, что такое субъект, – начал генерал неторопливо с некоторым лекционным оттенком интонации. Мы, например, представляем интересы субъекта, который мы же называем западной цивилизацией. Вот такие люди, как мы с тобой. И еще другие парни, там, в Штатах. И иногда, а лучше бы, конечно, регулярно, нам необходимо беседовать, кое-что обсуждать с ответственными представителями другого субъекта.

– Канал связи?

– Совершенно точно.

– Но, Чарльз, вся история двадцатого века или уж, по крайней мере, история сосуществования России с Америкой, ясно свидетельствует, что такие контакты имели место.

– Ясное дело, Боб. Но сейчас пошла мутная волна. И многие карты исчезли. А те, что остались, сильно перемешаны и изрядно затерты. Не различишь туза от шестерки.

– Но, сэр, в Библии говорится; что было, то и будет.

– Тебя интересует, что и как было? По-разному было. У Сталина, например, был один грузин. Мог регулярно бывать на Западе, так как официально числился сотрудником Внешторга. Не имел ничего общего с ведомством Берии, с нелегалами и тому подобное. Это был абсолютно законспирированный, личный человек Сталина. Это и было то, что ты называешь

канал связи. Были и некоторые звезды русской эмиграции. Эстрада, балет, театр. Через них мы и чувствовали субъект. Куда и как далеко он готов идти. А иногда удавалось и кое-что скоординировать. Согласовать.

– Но если вы не ощущаете сейчас дыхания этого субъекта, Чарльз, это может свидетельствовать и не об отсутствии канала связи.

– А о чем же?

– О том, что субъект дышит через раз. Или через два. А может, и вообще при последнем издыхании. Вы же сами знаете, что сейчас в России: спад в экономике, в военном строительстве, потеря баз и союзников.

– Меня не интересует, майор, при последнем или предпоследнем. Меня интересует безопасность Соединенных Штатов. Безопасность, а говоря вполне строго, перспективы выживаемости свободного мира. И мне не нравится, майор, что в Москву везут столько долларов, где они почему-то тут же обесцениваются. Хотя это вроде бы никому и не выгодно. Мне непонятно, как могут происходить вещи, которые никому не выгодны.

– Значит, существует...

– Вот-вот, так что не будем трепаться, Боб. Значит, существует субъект, на который мы никогда не выйдем через этих треклятых новых русских. Эти треклятые новорусы – просто религиозные фанатики. Для них доллар – абсолют. Они верят в него, как другие веруют в Иисуса и Магомета. Верят в его вечность и бесконечность. Они имеют траст, Роберт, доверие. И значит, не опасны Западу, даже если примутся строить по десятку авианосцев в год. Сук, на котором уселись, не рубят. На Бога не замахиваются.

Харт вытер тончайшим платком вспотевший лоб, поднялся из-за стола и, расстегнув пиджак, засунул руки в карманы брюк. Прошелся до окна и обратно к столику. Дернул кольцо на банке с колой и сделал несколько глотков. А затем, нацелив указательный палец правой руки в узел на галстук О'Брайена, продолжил:

– Но есть и неверующие, Роберт. По-нашему – нечестивцы. Они лишены траста по отношению к доллару. И хотят, чтобы веры лишился и остальной мир. Здесь, в Москве, они затеяли игру в девальвацию нашей святыни. А что там у нас, в западных банках? Здесь крикуны из оппозиции заходятся воплем, что вывоз капитала обескровливает Россию и обогащает Запад. Но кому принадлежит этот капитал?

– Новорусам?

– Сколько шли к своим первым миллиардам наши Морганы и Дюпоны? Десятки и сотни лет. И вы верите, что эти новорусы в десятки и сотни раз гениальнее их?

– Ни в коем случае, сэр.

– А значит, это не владельцы. А всего лишь распорядители. И если триллион долларов в одночасье будет изъят из западных банков и если вспомнить о триллионном внутреннем и внешнем долге правительства Соединенных Штатов, то это может означать настоящий, а не предсказанный трепачом Шпенглером, закат западной цивилизации.

– Но кому это выгодно, Чарльз? Всеобщий хаос. Мир, как всеобщая Чечня или Афганистан. Колумбийская мафия, как всемирное правительство. Ха-ха. Кому это нужно?

– Разумеется, Боб, никакой мафии тут ничего не светит. До хаоса не дойдет. Произойдет просто религиозная реформация. Смена богов. И нужно это тем, у кого есть иной бог, кроме доллара, и другой субъект, кроме Запада. И этот субъект шевелит угли здесь, в Москве. И мы должны, мы обязаны с вами, Роберт, выйти на этого субъекта. Чтобы по крайней мере понять, чего он в точности хочет и как далеко зашел. И правильно ли все рассчитал. Потому что не только Америка у нас одна, Боб. Но и Земля у нас одна. На всех.

Раздался телефонный звонок.

Харт взял трубку и сказал:

– Да, благодарю. Я спущусь к машине через полчаса. Нет, подниматься не надо.

О'Брайен понял, что пора переходить к третьей части разговора, и спросил:

– Что у вас есть, Чарльз? Вы мне что-нибудь передаете?

– Есть такой человек, – ответил Харт уже вполне хладнокровным, четким тоном. – Мартин Марло. Мы знакомы с ним почти десять лет, но за это время состоялось всего несколько встреч.

– Это то самое? Человек, с которым можно говорить, а не только договариваться?

– С одной стороны, да. С ним действительно можно говорить. Собственно, именно это и происходило во время встреч. Мы что-то спрашивали, и он отвечал как находил нужным. Иногда что-то спрашивал и он. Мы тоже старались не разочаровывать его. Иногда после наших бесед внешнеполитические ведомства предпринимали некоторые неожиданные для широкой общественности ходы. Разумеется, прямой связи установить здесь невозможно. Но по времени получалось именно так. Одно происходило после другого.

– Так это и есть настоящий субъект? Ответственный представитель? На что же вы жаловались, генерал?

– Я же сказал, оно вроде бы и так. Но только похоже. Только с одной стороны. А с другой... он очень странный тип, этот Марло. Много лет он ведет беспорядочный образ жизни. Беспощадный бабник. Кумир профессионально пьющей Москвы. И все это как бы даже на показ. Да и странно все это, учитывая масштаб личности.

– И каков этот масштаб?

– Немалый. Может, даже выдающийся. И этот Марло, прекрасно подготовленный во многих областях профессиональной деятельности, шатается со случайными людьми по центру Москвы, по пивным, кабакам... Кстати, у него интересные родственные связи. Очень разветвленные и неожиданные. Можно сказать, родовые корни. Впрочем, не будем сейчас тратить на это время. Прочтете в досье.

– У вас есть объяснения всему этому, Чарльз? Хотя бы для самого себя?

– Мне кажется, что он, безусловно, представляет какую-то группу. Скажем так, группу с серьезными субъектными потенциями. Доказательство этому в том, что после наших бесед в мире что-то происходило. Но вот то, что он столько лет шатается на виду у людей, как бы без дела... Вы уж меня извините, майор, но здесь уже что-то на грани мистики. Такое впечатление, что он и сам ищет выхода на неизвестную нам структуру.

– Как я свяжусь с ним?

– А вот мы сейчас прямо ему и позвоним.

12

Если вы потерялись, встречайтесь у фонтана в ГУМе. Если вы нашлись, встречайтесь. Лучше всего – в пивной. А самое верное – в пивной на Смоленской. У всех, встретившихся там, жизнь пройдет легко и безоблачно. Под общим наркозом трагического московского неба, по вечерам расцветиваемого сполохами неостановимого будущего. Будущего для всей планеты.

Как написал один московский математик и поставил эпитафией к топологическому трактату, содержание которого могли оценить во всем мире несколько десятков, максимум несколько сотен человек:

На ветках темноты
Сирень твоих галактик.

А в сквериках московских располагались юноши с горящими взорами, а также мужчины с пивными кружками. С ничего не дающими практически, но многочисленными и неожиданными связями, нерешаемыми проблемами и увеличенной печенью.

Один такой скверик, например, располагался перед классическим зданием бывшего МГУ, на бывшем проспекте Маркса, рядом с бывшим зданием посольства США. На нем несколько послевоенных десятилетий, в перерывах между лекциями, до и после экзаменов собирались именно юноши со взором горящим. Некоторые из них становились впоследствии послами, министрами и даже президентами. А некоторые другие – членами самой законспирированной организации в мире, как услышал однажды Воронов в хмельном, хвастливом разговоре, – ЦК ВЛКСМ.

– Потому что никто не знает, – продолжил его собеседник, оборачивая в шутку свою мысль, – чем они там занимаются. Даже они сами.

Словом, в этом скверике заваривалась каша.

А в другом скверике, на Смоленской, варился компот. Если прямо сказать, не бурда. Но кто знает, до чего дошли подлюги-химики в своих скрытых от гнева народных лабораториях? И что именно научились они выпаривать из такого многолетнего настоя, из смеси дешевого портвейна, заношенных носок и неоплатных, перекрестных долгов? «Мутанты смотрятся в кристаллы, – бормотал себе под нос Олег, – и им открыто будущее. Смерть, тоска и тлен. И разрушение городов. А значит, и государств. Ну, это мы еще посмотрим».

Он уже ходил кругами вокруг темного мужского гульбища в скверике, взяв в подвальчике для отмазки кружку пива и время от времени лениво отхлебывая из нее. Почему он не дома? Почему не послал по следу ребят из своего Управления? Может быть, ему все это снится? Этот невероятный город, его карьера с вертикальным взлетом, он сам, молодой, красивый, атлетически сложенный. Холостой. Его сегодняшняя встреча с Риммой. Ему нравилось, когда девушки из «его круга» вели себя с ним, как самозабвенные, простодушные потаскушки. И уж, войдя в раж, могли, оказывается, дать сто очков форы натуральным потаскушкам. А еще он знал, что у Риммы есть муж, по фамилии Никонов и по профессии следователь.

Олег остановился около шахматистов, расположившихся на скамейке, и кучки болельщиков, вгрызавшихся в воблу с не меньшей яростью, чем в обсуждение позиции на доске. Судя по репликам, заключались и небольшие пари, в пределах бутылки вина, на исход партии.

Олег подумал, что неплохо бы снова позвонить своим. Он предпочел взять свежий след и теперь, похоже, мог вот-вот схватить за заднюю ляжку неувертливого зверя. Но все дело, в самих истоках своих, завертелось вокруг какого-то Марло. А фамилия-то редкая, если не сказать – диковинная.

Хорошо, если имеются два-три человека таких по городу. А то и вовсе один. Марло. Действительно, колдун какой-то. Почти Мэрлин. Король пропойц и нищелюбов. Но уж, по крайней мере, телефон его и адрес, если таковые существуют, определить не составило бы труда.

И тут кусты, сзади скамейки с играющими, раздвинулись, и из-за них, на высоте чуть ли не двух метров, высунулась голова местного Кинг-конга. В Олеге и самом было сто восемьдесят два сантиметра и девяносто два килограмма. Но при одном взгляде на небольшую круглую головку, с птичьей резкостью и проворством поворачивающуюся на длинной жилистой шее, на руки, перевитые лианами мышц, полковник как-то сразу ощутил, что он не при оружии. Да к тому же благодаря – и еще как благодаря! – Римме последние двадцать четыре часа он практически не спал.

И все-таки это он – хозяин Москвы, он загонщик. А иначе все теряет свой смысл. И вкус. И цвет. И он не отвел глаз, твердо встретил цепкий, предельно настороженный и жесткий взгляд этого мужика-гориллы лет тридцати и понял, что это и есть Гриша-маленький. Полковник обошел скамью и, проходя мимо гиганта в расстегнутой до пупа красной рубашке, как бы про себя проговорил:

– Да, был Марло, да весь вышел. Он бы в такой позиции долго не думал.

Гриша опустил свою ладонь-сковороду ему на плечо и слегка развернул к себе:

– Ты чего-кому? Он же только в карты. Ну? Ты откуда, пончик? Он же в дерево не играл.

– Играл не играл, а он и сейчас любому здесь фигуру вперед даст, – попробовал вывернуться, как попроще, Олег.

– Сейчас? Нет, ты откуда? Что-то я тебя здесь раньше не видел. Сейчас он, знаешь, что может дать? – начал было Гриша-маленький, но, еще раз встретившись взглядом с Олегом, что-то про себя быстро решил и резко замолк. И, так же резко отвернувшись, снова шагнул в кусты.

«Уйдет, – мелькнуло у Олега в голове. – И если останется жив, то по городскому адресу его уже не застанешь. И разговор интересный не состоится».

Воронову ничего не оставалось, как двинуться вслед за Гришей, который размашистыми шагами уже топал, не оглядываясь, вниз по переулку, круто сбегавшему к набережной Москвы-реки. Но, не выходя на набережную, он свернул в проход между домами. Олег нырнул за ним. Красная рубашка маячила метрах в двадцати впереди него.

«Объявилась красная свитка», – не к месту вдруг вспомнился Олегу вечно загадочный Гоголь. Ощущение нереальности усиливалось палевым цветом закатно-подсвеченных облаков, кирпичной пылью, казалось, растворенной в воздухе этого вечернего пространства. Идущий впереди как бы запнулся, как будто что-то он там искал на асфальте, за мусорными баками. Пространство было ограниченным, проход заканчивался тупиком. Олег увидел это, продолжая по инерции сблизиться с остановившимся громилой. А тот уже развернулся навстречу преследователю, и в руке у него оказалась металлическая палка. Металлическая дубинка. Прут. И преследователь понял, что роли могут поменяться. А пожалуй, уже и поменялись. Гриша-маленький, стало быть, знал, куда он шел.

Воронов не успел принять никакого решения, а металлический прут, со свистом рассекая воздух, уже заплескал в руке приближающегося к нему человека.

Психологическая атака? Отступить, то есть, попросту говоря, сбежать, он всегда успеет. Путь за спиной открыт. Значит, тот именно этого и хочет. Отпугнуть. Кыш, нечисть вынюхивающая. Вали, откуда пришел.

– Ты чего? Стой, дурной, – бормотал Олег, как бы разогреваясь внутренне, уже пятясь, уже отскакивая на полшапочка.

Но Гриша работал молча, как дровосек или косарь очищая взмахами металла пространство вокруг себя. Свистящая, пляшущая палка как бы сбивала молоко воздуха в густую сме-

тану абсурда и страха и несколько раз со скрежетом задела кирпич боковой стены и асфальт, который еще разделял двух гладиаторов.

«Ничего не говори. Не отвлекайся, – приказал себе Олег. – Этот перешаршит не задумываясь. Вот так он, наверное, кинулся и на Петухова с женой. Ничего не объясняя. Ну что ж, есть и такой стиль. Надо снова выскочить из загона в переулок. Там другие правила игры, и придется махать прутом с разбором, чтобы не задеть прохожих».

Олег уже выбирал момент, чтобы повернуться на сто восемьдесят и сразу разорвать дистанцию хотя бы на пять-десять метров, чтобы его не настигли одним прыжком. Ведь у «малыша» наверняка есть и нож.

Но в это время взбесившийся лесоруб остановился и засмотрелся на что-то поверх головы Олега. Довольная ухмылка раздвинула его губы под висячими усами. Он коротко свистнул, так, в полсилы, явно не для привлечения внимания, а только как бы подтверждая уже установленный с кем-то визуальный контакт.

Олег скосил глаза и успел заметить, как из раскрытого окна на втором этаже, чуть сзади него, метнулась вниз громадная тень. Раздался звук приземлившегося тела, не так, чтобы очень жесткий, – наверное, прыгнувший был одет в кроссовки. Олег моментально прижался спиной к стене дома, чтобы держать в поле зрения и того, и другого. В глазах у него не двоилось, но перед ним теперь их стало двое. Почти одинаковых. Тот же рост, сложение, та же красная рубашка, расстегнутая до пупа. Только у первого на ногах были черные запыленные туфли и в руке прут, а у второго действительно кроссовки, и обе руки он вытянул вперед и вверх, растопырив пальцы, как бы нащупывая горло, нос, глазные яблоки Олега, прижавшегося к нагретой за день кирпичной стене.

– Давай, братка, придержи фраерочка, – приговаривал Гриша, снова как бы на пробу взмахнув пару раз прутом.

Братка находился от Олега чуть дальше и пока оставался на месте, изгибаясь и раскачиваясь, как кобра. Но он загораживал спасительный путь к выходу из тупика. Теперь уже речь не шла о том, чтобы отпугнуть. Братаны, эти «веселые ребята», как называют иногда в народе кровавых работничков, вышли на расправу.

Кинуться на второго и опрокинуть? Нет, даже если такого и сшибешь, что само по себе сомнительно, все равно случится заминка. А сзади Гриша настигнет в секунду.

Прямо над Олегом висела пожарная лестница, но последняя перекладина отстояла от земли метрах в двух с половиной. Олег оттолкнулся от асфальта и повис на ней, раскачиваясь, как еще не вспоротая сосиска. Он уже, подтягиваясь, выбросил вверх правую руку и ухватился за вторую перекладину, но тут же ощутил острую боль в голени левой ноги. Это Гриша, в красном посыле, с оттягом, достал его, наконец, своим металлом. Брючина была рассечена, и на асфальт капала кровь. Олег ухватился второй рукой за вторую перекладину. Второй удар, скорее всего, решит дело. Олег висел лицом к стене, и прямо перед собой увидел мрачное, непроницаемое от грязи окно. Что за ним? Не все ли равно? Он сделал мах назад и на возвратном движении ударил в окно обеими ногами. Стекло посыпалось вниз. Братаны, защищаясь от него, вскинули руки над головой. И это позволило Олегу выиграть время для второго маха назад-вперед. В высшей точке амплитуды он разжал руки и полетел ногами вперед в темный провал. Рухнул на пол среди каких-то досок. Комната оказалась нежилой. То ли это было служебное помещение, то ли здесь продолжался безнадежно затянувшийся ремонт. Олег кинулся к двери и, не задумываясь, дал по ней плечом. Смешной крючок соскочил с петель, и дверь распахнулась. Олег побежал по изломам запущенного коридора и после третьего поворота наткнулся на окно с уже выбитыми стеклами. Окно выходило на набережную. Он выпрыгнул из него и оглянулся по сторонам. Да что же это такое? Из подворотен справа и слева снова появились двое в красных рубашках. Похоже, они вовсе не считали, что птичка выпорхнула из клетки. Прохожих было совсем немного, и они скользили мимо с какими-то незаинтересованными, отрешенными

от мелких дрызг лицами. Ждать, чтобы, как в старом добром телесериале, в последний момент из-за угла появится наряд милиции, было бы просто наивным. Олег, лавируя между машинами, перебежал к набережной и, подволакивая разбитую ногу, быстро зашагал к мосту. Взбежал по каменной лестнице вверх и по узкой полоске, оставленной для пешеходов, пошел через мост по направлению к площади Киевского вокзала. Загонщики чуть поотстали, они были от него метрах в сорока сзади, но шли уверенно, не спуская глаз с него, как бы не сомневаясь в своем праве на продолжение охоты.

На мосту ждать помощи не приходилось: не докричишься, не дозовешься. Превозмогая боль в ноге, Воронов ускорил шаг. Наконец, он спустился с моста на площадь, где шел-кипел всеукраинский торг знаменитым украинским салом во всех его видах и сочетаниях. Мужики сзади подтянулись поближе, и Воронов понял, что и вся громада торгующего народа ему не подмога. В суете и гаме еще, пожалуй, легче, чем на открытом пространстве моста, можно было незаметно сблизиться с ним и нанести несколько быстрых ударов. И так же быстро раствориться в толпе. И тогда он, уже не рискуя задерживаться, чтобы углядеть милицейский или военный патруль, побежал между палатками и уличными торговками. По шуму сзади себя он определил, что преследователи ломились прямо за ним. Перепрыгивая через тюки и ящики с товаром, он выбежал на перрон и на первом же пути увидел электричку, которая, судя по электрической дрожи, сотрясавшей ее, уже готова была сорваться с места. Олег сумел взять себя в руки и, приняв независимый вид, пошел вдоль вагонов. Вагонные двери должны были вот-вот захлопнуться, но он изготовился вскочить в них именно в последний момент, чтобы те, двое, за спиной, не успели среагировать и сделать то же самое.

13

Виктория Николаевна Рейнгольд была недовольна собой. Все зашло слишком далеко, это она поняла еще ночью, вернее под утро, когда узнала о смерти Мартина. Но еще дальше зашла она сама. Точнее, дошла. Дожила. Потеряла контроль над собой. Называется, нашла к кому обратиться. Нечего было вмешивать сюда никакого Петю Никонова. Что она могла от него узнать? И даже более того, что она хотела узнать? Разве не был предрекан ему такой позорный конец еще в самом начале? А если так, то что она узнала нового под утро от литератора Герба, многолетнего собутыльника Марло? Она предчувствовала такой конец, так как знала, что никто не позволит Мартину занять то место в семье, на которое он мог бы претендовать по своему рождению.

Мало ли кто и на что может претендовать в нашем мире. На красивых женщин, например. Или на контроль над страной и миром. На бессмертие, в конце концов. Но все это упирается в одно и сводится к одному и тому же. К возврату старинных прав. К их предъявлению в некий подходящий для этого момент. Марло убили, и это означает только то, что подходящий момент приблизился. Или вообще уже наступил.

После того как зять, с непонятной своей, неизвестно к чему относящейся ухмылкой, передал ей кассету с записью сегодняшних допросов и удалился на «семейную» половину дачи, Виктория вставила пленку в магнитофон и прилегла на широкую, низкую тахту, как будто собираясь слушать классическую музыку. А после окончания прослушивания она пригорюнилась еще больше. Поспешность и непродуманность ее действий представились ей теперь в еще более резком свете. То, что хотя бы с натяжкой можно было отнести к информации, сводилось к путанице с датой убийства и к странноватому факту, что ни для одного из трех допрошенных сам предмет разговора не явился неожиданностью.

Разумеется, лапоть Никонов ничему этому не придавал значения. Ну, да уж это – за что маменька с доченькой в свое время ухватились, то и получили. А Шерлоков Холмсов нам, как принято думать, не надо. И что же теперь? Уж не обратиться ли к этому... как бишь его, сочинителю Гербу? Нет уж. Может, он в своей области и большего стоит, чем Петр в своей. Но тем более она не могла задать, возможно, и сообразительному, но ничем не связанному с семейством человеку те вопросы, которые ее действительно интересовали: кто и за что убил, и чем это угрожает Рейнгольдам, Марло, Бестужевым-Рюминым и некоторым другим фамилиям. Может быть, даже тем, которые основательно забыты здесь, но неожиданно весомо звучат теперь там. За океаном.

Внизу, сначала в саду, а потом на веранде, послышался голос вернувшейся дочери. Известно, от кого вернувшейся. Отсюда и стремительность походки, и спокойное дружелюбие к ньюфаундленду Рексу. И мысли Виктории приняли новое направление: может быть, красавец полковник и есть тот человек, который ей нужен?

Признать, что он уже как-то связан с ними? А как воспримет это он сам?

Часа через полтора должны начать собираться «старшие». Обсудить предстоящие похороны. Смысл их общей потери. И общего им вызова. Мартин хотел сыграть в одиночку. Независимо от «старших». Они не правы, конечно, что так хладнокровно наблюдали все эти годы за его фантастической попыткой. За попыткой реализации его фантастической идеи спонтанного поиска следов Училища.

Он еще подростком впервые высказал родне, то есть «старшим», на первый взгляд, совершенно дикую мысль, что свободный поиск, то есть обмен судьбы на негарантированный результат, есть единственная возможность снова выйти на Наставников, связь с которыми была утрачена Семейством десятилетия назад, аккурат с началом Великой американской депрессии.

А пока можно и действительно послушать классическую музыку. Что-нибудь вроде реквиема по грандиозной неудаче столь многообещающей когда-то жизни Мартина Марло.

Впрочем, его смерть, возможно, указывала на то, что он находился вблизи какой-то сверхчувствительной точки. Быть может, рядом с удачей? Неужели Мартин мог вот-вот установить утерянную связь?

Бокал крымского портвейна и несколько арий из Стабат Матер Перголези – вот ее программа на ближайший час. И никаких пока Римм, Петъ, красавцев полковников и безобразных видений насильственной смерти. А впрочем, чем лучше естественная?

Когда несколько лет назад они обсуждали с дочерью, оправдывается ли ставка на молодого Никонова, Римма удивила мать хладнокровным вопросом: «А что, другой избавит от смерти? Или хотя бы от старости?»

Вечная жизнь. Это ли не вершина и единственная оправданная цель могущества? Власти и денег? Демос никогда не мог понять, к чему столько усилий? Почему элиты снова и снова затевают смертельную борьбу за, казалось бы, бессмысленное наращивание того и другого? Для чего ввергают себя и народы, страны, империи в неисчислимы беды и испытания, никогда не в состоянии остановиться, удовлетвориться тем, что уже имеют?

Испокон веков все это неистовство объяснялось только одним: алчностью. Бессмысленная в своей неутолимости жадность, бесконечная в буквальном, то есть физиологическом, смысле слова жажда богатства, ну и, разумеется, всего того, что к нему прилагалось. Вот это все лежало на поверхности, все это действительно имело место быть. И поэтому-то всем этим легко и просто, а главное, вполне логично объяснялись безумные потрясения и страшная борьба в мировой истории.

Но была всегда и еще одна цель: бессмертие. Жизнь вечная и бесконечная. И не та, что обещал сын плотника. Вернее, не так, как он заповедовал, а реально достижимая. Не постом и молитвой, верой неугасимой да подвигами отцов-отшельников. А на путях магии и личного сверхчеловеческого могущества, чем владели в свое время не только жрецы, но и цари.

Как все это далеко. И недостижимо. А может, никогда и не было. И тем не менее поискам контактов с Наставниками, верить в существование которых в определенных кругах считалось хорошим тоном, посвящались большие усилия и значительные материальные ресурсы.

Правда, в глубине души Виктория считала все это чем-то наподобие клубного устава. Она знала, что, как и сегодняшние, многие поколения мужчин из «этих семейств» ставили себе некие сверхзначимые цели, грезили наяву, что, впрочем, нисколько не мешало им в решении сегодняшних, вполне рациональных и осязаемых проблем. А коли так, туманные намеки на былое могущество родов и династий и на возможность однажды вернуть утраченное, играли в реальности даже некоторую положительную, системообразующую роль. Эти разговоры и «озабоченности» старших, сплывали и давали особую марку средним и младшим. У Рейнгольдов и Марло, Багратов и Хрущевых, Белоозеровых и Голенищевых, кроме их реальных активов, кроме недвижимости и сокровищ и даже кроме их связей и влияния в среде современной мировой финансовой олигархии, оставалось и кое-что про себя. Кое-что про запас. Как бы только для внутреннего употребления.

Но в каждом поколении случался и перебор, свой *анфан терибль*, «ужасное дитя», слишком всерьез уверовавший в реальную достижимость высшей цели. Воспринимавший ее не как идеальную точку схождения в бесконечной исторической перспективе, а как задачу собственной жизни.

Именно таким был и Мартин Марло. И если его угробили не за просто так, по пьянке или по недоразумению, – а предположить это было для Виктории трудно, так как она прекрасно знала не только ледяное самообладание этого «гуляки праздного», но и его выдающиеся психофизические данные, – так вот, если не это, то что же?

Конечно, она «доложит» все своим мужчинам. Им и решать, следует ли открывать расследование и кого к нему привлекать. Ее собственный поспешный ход в этом направлении следует, пожалуй, считать и последним.

Еще один бокал Пино-Гри из Коктебеля. Старый друг лучше новых двух. А вот Стабат Матер Долороза уже слишком истончает нервы. Нет, Мартин ушел не просто так. Уж скорее бы по-явился на свет внук.

Пусть хоть от этого полковника, что ли. Если уж с безотказным Петенькой что-то не заладилось. И почему-то мысли пустились в ту область, относительно которой она всегда считала себя спокойной. А что она оставит внуку? Не считая, разумеется, самой фамилии. Что конкретно?

Вот эту дачу – точнее, комплекс дачных и хозяйственных строений – на громадном участке, подлинники импрессионистов и передвижников, камешки... Вроде бы неплохо. Все это может служить куда дольше, чем портреты бесчисленных президентов на быстро ветшающих банкнотах. Если... Если только не меняются правила игры. А эти правила меняются не чаще, чем раз в тысячелетие. Но что, если ее внук, а он ведь будет ангелоподобным, не иначе, что если он подгадает появиться на свет Божий именно в тот момент, когда Бог решит поставить на этой планете новую пластинку.

Когда Римма полчаса назад заявила к мужу, то застала его в меланхолии и нелюбви к жизни и самому себе. Он начал было жаловаться на нелепое и не совсем ведь законное поручение, которое дала ему сегодня утром Виктория, но не был выслушан. Вернее, выслушан он как раз был, но не только без участия, но, как казалось, даже и без понимания. Жена и не подумала присесть рядом с ним и вникнуть в его проблемы. Вместо этого она непрерывно расхаживала по комнате, что-то снимала с себя и тут же примеривала что-то другое, взятое наугад из шкафа. Кажется, она даже освежила подмышки и виски духами, он не очень-то приглядывался к ее манипуляциям. Наконец она подошла ближе к мужу и взглянула ему прямо в лицо. «Ты нужен мне», – сказала она ему, и все было решено, по крайней мере в данном случае, потому что она тоже была нужна ему.

Но слышал он от нее подобное совсем нечасто.

Он смутно, или даже не очень смутно, ощущал связь между состоянием, в котором она иногда возвращалась домой, и словами, которые она тогда произносила.

Да, Римма и на этот раз осталась верной себе. Ведь она никогда не выражала своего приступа как-то иначе, но только так, коротко и ясно: ты нужен мне, и было в этом что-то даже не физиологическое, а прямо медицинское.

Сорвав с него всю одежду, она толкнула его на разобранное ложе и обрушилась вслед за ним, с невероятной скоростью достигнув пика возбуждения. И если бы ее сейчас мог видеть ее недавний партнер, он был бы удивлен и, может быть, даже озадачен ее страстью.

Затем она села рядом с мужем, закурила сигарету и спокойно сказала:

– Да, ты, кажется, вляпался в гребаную историю.

Петр промолчал.

– Ты хоть знаешь, кто такой Мартин?

– Кто?

– Двоюродный племянник Виктории.

– Алконавт. О чем здесь говорить?

– Нет, ты употребляешь не те слова. Но это долго, пожалуй, объяснять. А что тебя беспокоит в этой истории?

– Почти ничего. Петухову не могу дозвонится. Кэпу, который привозил и отвозил эту троичу.

– И не звони.

– О чем ты? Разве ты его знаешь?

– Нет. Зарезали твоего кэпа. До смерти или нет, не представляю. Но... в реанимации.

– Ты... откуда взяла?

– Я от знакомых сейчас. Им и сообщили. По телефону.

– Что же теперь будет, Римуля? Ведь начнется расследование.

«Ага, – подумала про себя жена, – вот я уже и Римуля. Здорово же ты струхнул, парень». Подумала, впрочем, без всякого злорадства. А муж уже вскочил на ноги, подошел к столику у окна и налил в стакан коньяку.

– Легко ведь установят, – продолжал он, – что у последнего он был у меня. А может, Римма, может... это... связано? Вдруг эти трое... Они же его и... Да ведь тогда дисциплинарное взыскание – это мелочь.

– Ах, как же ты прав, Петр Степанович Никонов. Как же ты в данном случае прав. Но не точен. Может оказаться так, что в данном конкретном деле дисциплинарное взыскание – это меньше чем мелочь. Это ничто.

– Что же будет, Римма?

– Что будет в точности, того мне знать не дано, как ты понимаешь. А предположить я могу и такое: после Мартина мы все можем быть уничтожены. Все сразу или по очереди, этого я, опять-таки, сказать тебе не могу. Ну что, не жалеешь, что женился на мне?

– ...И с этого момента, – говорила Виктория по телефону Валентине, – Никонову поздно раздумывать, правильно ли он поступил, женившись на Римме. Я сама, своим идиотским поручением, сделала его настоящим, можно сказать, неотъемлемым членом семьи. Как ты не вовремя закрутила с этим... как его...

– Алексом, Виктория Николаевна.

– А, ну да. Куда же это все идет, Валечка? И когда уже мужики угомонятся? Что наши, что другие.

– Алекс как-то связан с этим делом. Он скоро должен быть у меня. Если хотите, то пусть Петр Степанович подъедет ко мне. Здесь он может поговорить с Алексом и что-то для себя выяснить. Может быть, все еще поправимо.

– Нет уж, Валентина. Хватит с нас Петров Степановичей. И все, конечно, поправимо. Кроме глупости и смерти. С этим всем пусть уж другие разбираются. А нам свое бы сохранить. А ты вот что, Валя, ты от нас-то не отбивайся.

– Этого нет, Виктория Николаевна. И быть не может.

– Ты ведь для нас как член семьи. А если что в прошлом с моей стороны неправильно было...

– Перестань, Вика. Я не слушаю.

– ...то это лишь по любви. Ты не думай, что я только от испуга к тебе кинулась. Я ведь давно хотела восстановить... Чтобы все, как прежде. А ведь ты знаешь, что ты для Риммы... И почему вы так отдалились друг от дружки? Ну, Бог милостив, еще все будем живы-здоровы, пронесется-развеется, Валечка, верь старухе. А кто старое помянет... А ты бы переезжала на лето к нам. А может, и прямо сейчас? Повидайся со всеми – и к нам.

– Тьма и мрак сгустились над Эльсинором, – нараспев, внезапно повеселевшим голосом, продекламировала Валентина. – Приеду, передай Римме, чтобы ждала. Сегодня в ночь или завтра утром.

14

– Ты знаешь, что такое Дирекция по Эксплуатации Высотных Зданий? – так начал свою речь «хорёк», когда они с Алексом снова оказались в квартире Марло. – Причем, заметь, все слова с заглавной буквы.

– Давай знакомиться, что ли. А то мы с тобой никак не расстанемся, – сказал Алекс, усаживаясь в кресло около столика, на котором стоял простенький, то есть одного из первых выпусков, персональный компьютер. – Зовут меня Алекс. А по профессии я научный работник. Что-то в этом роде.

– А по бабушке? Батькович?

– Можно хоть и так. Я круглый сирота с детства.

– Ну, Батькович, резину не надо тянуть. Она у меня и так вся перетянута. Знакомиться, значит, говоришь? Ну, добре. Виталий Емельянович Карнаухов.

– Виталий, вот ты и скажи, что ты тут делал, когда меня оглушил и затащил?

– Не прыгай, Алекс, куда Макар телят не имел. Рассупонься. Я ведь, когда ты меня развязал, мог сканать. Там, в холле-то. По суслам, и будь здоров.

– Чего ж не сканал?

– А пустое это для меня теперь – бегать. Я, как поручение получил, так уж это понял. Только я думал, они деликатность хоть какую проявят. Ну там, сколько-то ден теребить не будут. А я бы за это время кого-чего надумал бы. А они вишь, как взялись. Вынь да положь Карнауха на брюхо.

– А что я?

– А это мы еще поглядим, как оно и зачем. Я, к примеру, человек обреченный.

– Так уж ложись и помирай?

– Не, зачем же? Я в нелегалку ухожу, понял?

– Никак нет, не понял. Это как же, в леса, что ли?

– Ты знаешь, кто самый сильный?

– Слон, – с готовностью ответил Алекс.

– А в Москве?

– Мэр, а потом слон.

– Вот и слушай сюда. Управление по Эксплуатации Высотных Зданий. Причем заметь, как я тебе уже сказал, все, вплоть до точки, с прописных. А то все разбухались, кого не спроси, гэбэ да гэбэ.

– Да оно сейчас вроде на три шайки разделилось.

– Так вот я тебе и толкую, кто над Москвой, тот и Рассею-матушку вразумляет. А кто над центром Москвы, тому танки на окружной – по шестям и в тrefах.

– А кто над центром Москвы?

– Я же тебе в третий раз разъясняю: Управление. Точка. И я в нем работаю. По сей день, чтоб ему пусто.

– Что тебе поручили? И о какой телеге, которую якобы на меня катят, ты там внизу бурзорил?

– Ана! Пляжу-жу-жу. Не вынес, Батькович, в ментовщину попер? Что поручили? Пойдем до Марло, покажу, если не нервный. Оно же и телега.

Двое странно говорящих мужчин, стараясь почему-то ступать аккуратнее, снова подошли к трупу. Карнаухов выпростал изгвазданную рубаху Марло из брюк и слегка завалил тело на левый бок. Обернулся на Алекса и кивнул ему: «Давай, чего стоишь? Не для тебя, что ли?»

Алекс подошел, наклонился и на правом боку, чуть повыше печени, заметил на теле Мартина мелкую, размером с двухкопеечную монету, но удивительно четкую метку. Как бы паучок-иероглиф, нанесенный лучиками-шрамами.

– Что это? – спросил он Виталия.

– Тебе лучше знать. Еще и меня научишь, – ответил тот и с нескрываемым отчуждением посмотрел вдруг на Алекса.

– Где-то я это видел, – поежился тот, чувствуя неприязнь Карнауха, – но где и когда...

– Во-во! Не помню, не бывал, не участвовал. Думай, тебе говорят, а не то нам обоим амба.

– Это и было твоим заданием?

– Оно же и телега. Они же знали, что именно ты подойдешь к квартире. Тебя и ждать наказали. Глушани, говорят. Ну и вот эту херовину нанести ему на тело велели. Формочку вот дали.

– Какую формочку?

– По размерам такая же вот как след этот. С одной стороны выпуклость...

– Где она, формочка?

– Я ее должен был внизу швабре этой отдать. Так договаривались. Я и отдал. А она меня сразу после этого и подсекла. Тут я и понял, что нам с тобой в друганах надо ходить. А иначе кранты. Причем заметь, репа немытая, кранты обоим.

– А при чем тут она?

– Так она же служит где? Отвечаю: у нас же в Управлении.

– Здесь всего двенадцать этажей. Какая же это тебе высотка?

– Объясняю для дефективных: финансирование для Управления записывается в бюджете отдельной строкой. И выполнялось всегда, от усатого до меченого. Выполняется и сегодня. Все безотказно, понял? А где у нас безотказно? Наверху. Наверху хорошо? Не то слово. Всем хочется? Всем. А удается? Кто умеет. Вот жильцы этого дома и сумели. А знаешь, где такой вопрос решается, о включении в список зданий, состоящих на обслуживании в Управлении? Раньше, к примеру, такое могли решить только на политбюро, не ниже, заметь. Так что и сам Гришин со своим горкомом и Промысловым, решить такой вопрос сами для себя не могли. Тут надо было голосование всей шайки. А у них ведь как? Одни хотят, а другие в аккурат не желают. Так что для некоторых домов и в политбюро-то вся шайка по третьему кругу повымирала, а вопрос все не решался.

– А как с этим домом? – спросил Алекс, подойдя к окну и, раздвинув занавеску, поглядывая на дом Валентины, как бы ожидая оттуда некоего чудесного сигнала. То, что рассказывал Карнаухов, было ему интересно и, вероятно, имело какую-то связь с персональной ситуацией Алекса.

– А вот с этим домом все как по хрустам по хрустящим. Для такого дела, где только предварительных инстанций, начиная с Моссовета, три, да ты пойди их каждую пройди, не говоря уже о четвертой, об этих гребаных директивных органах, и на все это про все – всего полгода. Причем заметь, что никакие войны и революции и никакие вихри враждебные ничего здесь не отклоняют. Даже когда меченый дела волейбольщику сдавал, ты думаешь что, они все о кнопке этой барабонили, которая в чемоданчике этом? Вот все о списках таких, как по нашему Управлению, это они и утрясали.

– А ты как будто сидел там с ними, – не выдержал Алекс.

– А мне и не надо. Я и без того внутрих, можно сказать, не мене четвертака оттянул. Инспектор по этажам и оборудованию – слышал такое? Какие возможности, Алекс! Какая житуха! Если бы ты только представлял! Если бы хоть кто-нибудь представлял!

– Значит, и этот дом входит в сферу твоей деятельности?

– Я же тебе говорю, Алекс, ты пойми, ты только вдумайся, и тебе все станет ясно. Да ты хоть понимаешь, что сейчас неважно, к примеру, кто ты и что. Но если ты живешь в доме,

включенном в наш список, то все, с тобой все ясно. Ты человек. Да квадратный метр при купле-продаже в этих домах знаешь сколько стоит? Да что я тебе говорю, парч непонятный, когда адмиралы, ты понял, когда аспада енаралы и адмиралы строят себе замечательные дома, это да, это они могут. А вот включить эти охрентельные домины в наш список – кишка тонка. Во всяком случае лет семь-восемь поборитесь. А то и поболе. А эти... хо-хо мохер. Полгода – и в дамах.

– Виталий, ты мужик хоть куда, согласен. И ты рассказал мне замечательную историю о некотором царстве-государстве под названием Управление, которое держит центр Москвы, держит космос и Землю, а уж гэбэ по сравнению с ним...

– А что ты думаешь, Алекс? И для них есть квоты на включение их домов. И попробуй превись. А они знаешь как хотят? И все равно – свой срок отдай, не грехи. Да и не каждый объект благополучно втирают. А некоторые дома лет по двадцать по кругу финтярят, да так и затирают. И ведь жильцы там, посмотришь по списку, академики да резиденты в отставке. Не абы кто.

– Я же тебе и говорю, что я не спорю. Ты – инспектор, а значит, величина немалая. А кто же тебе дал такое поручение? Кто припер самого Карнаухова, инспектора?

– Инспектор по этажам и оборудованию. А есть еще по кадрам. По складам и подземке. Ты знаешь, какая там подземка, Алекс? Какие там склады? И при этом в самом центре города. Ты представляешь, какие это возможности?

– Ты не отвечаешь на мои вопросы. Может быть, ты кого-то ждешь?

– Дай мне выпить, земля, дай мне выпить. И Карнаух тебе расскажет еще не то.

– Посмотри сам на кухне. Покойник этим не пренебрегал, отдадим ему должное.

– Карнаух уйдет в подполье, уйдет в нелегалку. У Карнауха есть куда уйти. А куда уйдешь ты?

– А куда все-таки уйдет Карнаух?

– Ты что, паря, ты чего рюмишь? Ты знаешь, сколько в этих высотках комнат, в которые никто не может попасть, если не знает? Сколько лифтов, которые соединяют только два кабинета, вверху и внизу? Сколько лесенок, упакованных наглухо в бетонных выступах, проходящих через все этажи. Да я тебе хотя бы про гостиницу «Пекин» могу рассказать, я там начинал, еще при Лёне незабвенном, когда он в самом соку был. Уж сколько лет прошло, а я тебе и сейчас скажу: не нашего это ума дело, и не наши люди это все соединяли и обманкой попутали. А может, и вовсе не люди, а марсиане какие, прости грешного и помилуй.

– Ты вот что, Тимофеич, ты и вправду хлебни чего. Может, и полегче тебе станет, чтобы ты сказал мне, чего тебе надо.

Тимофеич удалился на кухню, и вскоре вернулся, отпивая прямо из бутылки «Гратиешти» и крикая как бы от всего огорченного непонятной судьбиною сердца.

– Примешь? – протянул он бутылку Алексу.

– Чуток погожу. Так что там насчет «Пекина»?

– Пригласил я однажды под вечер корешка туда одного. Витьком звали, и там же он, на Маяковской, проживал. Это я тебе к тому, чтобы ты не подумал, что он лопухом был, Витек мой, мир праху его. Ну, насчет «Пекина», да еще при Лёне, ты и сам все понимаешь. Гостиница для иностранцев и знатных гостей столицы, это перво-наперво. Ну, проституточки недурные за столики к ним подсаживаются, швайцы из отставников-скуловоротов, ребята с Лубянки за всем этим благолепием отечески наблюдают, это уж непременно. Словом, все как положено и все при деле.

Ясно, что нашему брату, гуляющему племени, особо прыгать было нечего. Но был там один чудесный бар. Это сейчас их, как кур в Аргентине, прости Господи. А тогда и само слово «бар» уже звучало чуть ли не подрывным лаяньем. А тут не слово, а реальный и уютный, и музыка, и стойка, и разноцветные бутылки в зеркалах. И самое главное, как раз он работал допоздна.

И пригласил я туда однажды Витька. И что мы там принимали, точно я тебе уже не скажу, но только покрепче, понятное дело, чем вот это «Гратиешти».

– Не теряем ли мы время? – спросил Алекс, который, конечно, знал толк в «недеянии», согласно философии даосов, но не был уверен в ее полной применимости в некоторых специфических обстоятельствах.

– Ты что, баба? – неожиданно взъярился на него Виталик. – Попал – значит, не жужжи. Без нас разберутся. А пока мы в этом доме, кстати говоря, валить нас здесь не будут.

– Тогда, может быть, имеет смысл здесь и остаться?

– Во-во. Я же тебе сказал, у Карнаухова есть куда пойти. И где остаться. Ладно, даю схему. Короче говоря, Витек там чуть крышей не двинулся. («Нас тут не завалят, если верить этому орлу-оглоеду, – подумалось Алексу, – однако вот Марло почему-то завалили».) Принял он тогда, да нет, не скажу чтобы лишок. Принял обычно. И отошел отлить. Там это культурно, за бархатной портьерой, и все такое. Пошел он по коридорчику кафельному, да не туда свернул, не направо, допустим, а налево. Идет, а там не писсуары, а комнатки. Одна за другой, нет, ты понял, в натуре, в одной танцуют, в другой блефуют...

– А в третьей смеются и поют. Так, что ли? – жестко спросил Алекс. – Давай, инспектор, про суперпространства своих высоток потом расскажешь. А сейчас колись: ты чего ждешь? Чего лапшу греешь?

– Ты мне друг? – спросил Виталик.

– Товарищ, – усмехнулся Алекс, – по несчастью.

– Ладно, – как-то сразу перешел на сумрачный, сухой тон Карнаухов. – Все, что я тебе здесь плел, все, между прочим, по делу. В каждой высотке пять-шесть неучтенных помещений, это все только я знаю: коды, схемы подхода, это все, говорю тебе, только в этой башке. Ты что думал, в девяносто третьем, когда Руцкой с Русланом в Белом доме закрылись, ты этим журналюгам жлобинным поверил?

– В чем я им должен был поверить?

– Ну как же, это ж они расписали, какие, мол, идиоты в Генштабе засели. Совсем, мол, плохие ребята в лампасах. Не могут, мол, карту подземных коммуникаций Белого дома найти.

– А ты что скажешь?

– Да было у них всё, вот что скажу. И карты, и схемы, и хренемы. Да не всё на тех картах значится. А пропусти одну дверку в туннеле, под бетон заляпанную, – и пиши письма. Так и будешь всю жизнь ходить кругами под Москвой-рекой. И ребята в лампасах это знали. Знали, что без Инспектора по подземке все их карты – бутафорка дешевая. Разве что над шпионом, дурачком натовским, посмеяться, загнать ему по дешевке, баксов за сто, да пропить заодно с ребятами из контрразведки.

– Говори, кто тебе заказал метку на Марло поставить, и гуляй, Вася.

– Карнауховы мы. А гулять мне если сколько и осталось, то надо по-умному.

– Это как же?

– Это если ты меня в долю возьмешь... Чобы на живодерню не загреметь.

– Ну хорошо, ты предлагаешь мне нелегалку в роскошных, неучтенных и еще каких-то там чуть ли не заколдованных апартаментах. А, кстати, как там у тебя с питанием, продумано?

– Эка ты шепутной, Алекс. Слышал такую поговорку: у моряка в каждом порту по жене? Ну, а у Тимофеича в каждой высотке по профессорше. Вдовой, конечно, али разведенной, на другой конец. На питанку поставят, не мни конверты, еще на такую питанку, что слезать не захочешь, что ты. А в долю ты меня возьми, это так. У тебя связи, грамотешка, ты к Марло близко подошел, тебе и кончать это дело. Не век же нам на нелегалке сидеть?

– Ладно, Карнаухов, насчет вдов профессорских, оставим пока в резерве, может, и придется еще исчезнуть в переходах твоих параллельных. А теперь давай-ка, первое и последнее: кто заказал?

– Скажу и укажу. Прямо подведу, если хочешь. Но это тебе мало радости: алкомор натуральный, передатчик фуфловый. Вот увидишь, к чему сведется: бутылку поставили и попросили, подойди, мол, к Тимофеечу и закажи, чего ему делать.

– За такие передачи можно ведь и зубов лишиться.

– Это так, Алекс, в таком деле всяко бывает. Но этот Гарик, это передатчика так Гариком кличут, знает он меня по пивнухе этой лет, чтобы не соврать, десять. Ну, то есть, много раз успел понять, что я до смерти не работаю. А только так, ну вот, как тебя по затылку погладил. А что касаясь зубов лишиться, да у Гарика там и лишаться особо нечего, так это за бутылку и рискнуть можно. За нее, родимую, на Смоляге еще не то вытворяли. А хочешь, прямо сейчас и пойдем. Он там, на скверу.

– Поздно уже.

– Чего поздно? Для Гарика скамейка в кустах – дом родной.

– Он что же, и дома не ночует?

– А чего там делать? – искренне удивился Виталик. – Ты же умный человек, Алекс, ты же можешь рассудить и сам. Ему дома нальют? Нет. А ночью, когда самое оно и подходит? Тем более. И не нальют, и на свободу не выпустят. Мол, подыхаешь, так хоть как человек, это они так считают, – как человек в своей постели и как отец семейства. А ночью-то, да на скверу – все угодья с ним. Кто-то из таксо вывалится без чувств, кто-то своим ходом доползет, время попутает, у третьего с бабой не лады, он и коньяк на груди принес. А Гарик спит чутко, ему без чуткости никуда. Горе-то размыкать и помогает людишкам. Ну, пошли?

– А он... выведет? На другого?

– А это уж как мы с тобой оперативку нашу засмолим.

– Так. И еще одно. Почему ты согласился?

– Кончай ментить, Алекс, я тебе добром говорю. Ты с трупом рядом сидишь, и полдома об этом уже знает. И на нем метка. Поставил я, но этого никто не видел. И формочки этой уже при мне нет. Отобрали заблаговременно. Ну, меня-то просто убрать решили, потому как я здесь, в этой истории, человек простой. Зашел, ему здравствуйте, спасибо за визит – и по голове. А ты не то. На тебя это дело и выводят. А ты тут, понимаешь, просвечиваешь меня. Ну сделали, сделали мне предложение. Знали, за что хоботом зацепить. По дороге расскажу, если уж так тебе... А теперь пойдем, говорю. В ногах правды нет.

Надо было дойти до сквера, поговорить с Гариком. Причем сделать это как-то незаметней, чтобы для Гарика, а может, и для всех троих, этот разговор не оказался последним в жизни.

Неплохо было бы и напиться. Впрочем, в присутствии покойника – это же кошунство.

В этом доме валить их не будут, как изволил выразиться Тимофееч. Но это не их дом. Чужой, за исключением того факта, что в нем проживал отличный мужик, Мартин Марло, погибший неизвестно за что. Что же погубило его? Пивная на Смоленской, к которой вроде тянутся некоторые нити, или тот факт, что он жил в доме, включенном в список до смешного всемогущей организации, Управления по эксплуатации? Алекс что-то читал про нее, кажется, только называлась она в статье не Управлением, а Дирекцией.

И тут раздался телефонный звонок.

– Ну, начинается, – тоскливо забормотал Виталик, – я же говорил, канать надо.

Как будто не он занимал эфир последние четверть часа.

Алекс снял трубку:

– Вас слушают.

– Мне нужен мистер Марло.

– А кто говорит?

– Я хорошо знаком с мистером Марло. Меня зовут Чарльз Харт.

– Добрый день, мистер Харт. Меня зовут Алекс, и я тоже хорошо знаком с Мартином Марло. Мне очень жаль, мистер Харт, но обстоятельства таковы, что я вынужден кое-что уточнить. Вы, насколько я понимаю, иностранец?

– Да, Алекс. Я гражданин Соединенных Штатов Америки. И я нахожусь в Москве по служебным обязанностям. Или, если это лучше выразить, нахожусь на службе у правительства Соединенных Штатов. Постоянное представительство ФБР в Москве – может, вы слышали про такое учреждение? Я – его сотрудник. Так могу я поговорить с мистером Марло?

– Я полагаю, мистер Харт, что это невозможно. Наш общий друг... его больше нет в живых.

– Как это произошло?

– Мне очень жаль, мистер Харт, но сейчас говорить об этом преждевременно. Сейчас обстоятельства его гибели выясняются.

– Вы сказали «гибели»? Так это убийство?

– Похоже, что так.

– Могу я чем-нибудь помочь?

– Весьма вероятно. Но сказать что-то конкретнее я пока не могу.

– Алекс, я потрясен смертью нашего друга. Мы должны сделать все, чтобы найти тех, кто пошел на это. Вы согласны со мной?

– Согласен полностью.

– Сейчас я должен поговорить со своими людьми. Мы свяжемся с вами через двадцать минут.

В квартире на Маяковской Харт опустил телефонную трубку.

– Роберт, я отменяю свой отпуск. Марло убили.

– С кем вы говорили?

– Пока ничего не знаю про него, кроме того, что он сказал сам. Мужчина. Назвал себя Алексом, приятелем Марло. И мне показалось, какие-то звуки там слышались, что он находился в комнате не один.

– Что вы собираетесь предпринять, сэр?

– Вы, разумеется, остаетесь в моем распоряжении, О’Брайен. Нам нужно выяснить некоторые вещи, причем делать это придется быстро. Первое: направлено ли устранение Марло против нас?

– А против кого же еще, Чарльз?

– Да хотя бы против той группы, которую он представлял на встречах со мной. Или против самого Мартина Марло персонально.

– Или против третьего лица или организации.

– Совершенно верно. То есть против кого угодно.

– Или чего угодно.

– Что ты имеешь в виду?

– Такие дела иногда совершаются, чтобы предотвратить какие-то события. Скажем, этот наш связной узнал или хотя бы мог узнать что-то важное. Допустим, встретиться с кем-то, кто мог ему это сообщить. И чтобы такая встреча не произошла...

– Это ясно. Теперь второе. Надо немедленно встретиться с этим Алексом.

– А если это ловушка?

– Мы не занимались никакой противозаконной деятельностью. Другое дело, что само наше присутствие здесь кое-кому не нравится. Но, как здесь остроумно говорят, Боб, я не девушка и всем нравиться не обязан.

– Мне кажется это опасным, сэр. Я имею в виду не опасность официального преследования. Но, как меня предупреждали в Штатах, сейчас в России многие предпочитают решать

свои проблемы, не обращаясь к властям. И мы совершенно не знаем, кто такой этот Алекс и что он делает сейчас в квартире Марло.

– И мы не знаем даже, что в точности произошло с Мартином. Если уж говорить честно, Роберт, то ничего мы не знаем в связи с этим делом. Не знаем главного: что все это означает? Может быть, и ничего, кроме потери ключевого для нас связного. А может быть, это начало крупной и чрезвычайно опасной для нас операции. А поэтому у нас с тобой нет выбора.

– Ты вот что, Виталий, – сказал Алекс, закончив телефонный разговор, – ты устраивайся пока сам. Давай времени не будем тратить. Мне нужно пока побыть здесь. Позвони через час. Тогда и к Гарику, может, подскочим.

– А если тебе сканать придется? Сам видишь, какая раскрутка пошла.

– На этот случай запиши еще один телефон. Спросишь Валентину. Можешь ей сказать все, что тебе надо будет сообщить мне.

– Свою берлогу бабе расшифровать?

– Если тебе покажется, что она под контролем или вообще не она, или просто нюхом почувешь, что дело не чисто, говори на дурака, лишь бы мне передали.

– Это как понимать?

– Это чтоб никто не понял, а только тебе было понятно.

– Так ведь надо, чтобы именно для тебя.

– А я тоже постараюсь понять. Вникнуть, так сказать, в твою душу. Что ты имел в виду, когда всех имел в виду. Усек?

– Ладно. Я обозначусь. А ты не прыгай, пока старт не дали, А то затеяли эстафету, понимаешь, по прыжкам в ширину.

– Ты смотри там, инспектор, на выходе аккуратней.

– Эх, голубиная ты душа, Алекс. Да я через пять минут, ни в каком твоём холле не появляясь, уже из служебного подъезда МИДа буду выходить. Ну, прощевай покедова.

Алекс ждал звонка Харта, но первой позвонила Валентина.

– Мне звонили знакомые из-за города. Зовут к себе. Это, кстати, дальняя родня Мартина. Я у них и познакомилась с ним. Поедем вместе?

– Мне позвонил тут один иностранец. Говорит, что он из Штатов. И говорит, что дружил с Марло. Как ты думаешь, стоит с ним встретиться?

– Кто такой? Не Харт, случайно?

– Он самый.

– Однажды я присутствовала при их встрече в ресторане. Вроде мужик нормальный, без комплексов. Я, разумеется, выпивала и танцевала. Причем с обоими. Руки у Харта ничего, крепкие. Ну а в танце ему до Мартина, сам понимаешь, куда ж американу?

– Слушай, не могу вспомнить, где я мог видеть паучок такой на теле, с грошик величиной, из мелких таких шрамиков. Увидел на теле Мартина сейчас, на спине...

– У Мартина при жизни этой метки не было. Уж это я, как ты понимаешь, могу засвидетельствовать перед Богом и людьми.

– Это я знаю. Но где-то я ее уже видел.

– Встань к зеркалу спиной и подними рубаху. А теперь посмотри в зеркало через правое плечо.

Да, конечно. Это был точно такой же паучок. Впрочем, точно ли? Узор из шрамиков был слишком мелок и сложен, чтобы невооруженным взглядом можно было установить полную идентичность двух меток. Но вроде бы очень похоже.

Перед его взором как будто снова возникли та вишневая ауди и Наставник, почти шепотом говорящий: «Стартовый вариант: без денег и документов».

Разумеется, после того как его избили, на теле оставалось множество ссадин и даже расцеченных мест. Все это, впрочем, заживало своим чередом, и он не очень-то вглядывался тогда в разные там шрамики, тем более на таком не слишком удобном для осмотра месте. И все, конечно, зажило, да вот метка осталась.

Да, но что там продолжает говорить Валентина?

– Да, я что тебе звоню... Ты знаешь, что там у вас внизу произошло?

«Все, Карнаух спекся», – мелькнуло в голове у Алекса.

– Ты представляешь, вдруг милиция, скорая, я, конечно, спустилась вниз и разузнала. Убили консьержку. Прямо в холле. Но не стреляли, нет. Старухи говорят, каким-то зверским способом.

– Валентина... что же это? Так не бывает.

– Оставь на автоответчике для Харта мой телефон. А сам иди немедленно ко мне.

В холле никого уже не было. Никого не было и на улице, ни милицейских, ни медицинских машин, ни праздных зевак, обычно охочих до обсуждения подобных городских драм. Ему оставалось перейти улицу и войти в парадное дома напротив. Между прочим, вчера, вот так же, часом позже, стоял на этом же месте Мартин.

К Валентине он не мог зайти, потому что она только недавно объявила ему о разрыве и, конечно, обида еще не улеглась.

Марло пошел к проспекту, как сказала Валентина. А это значит, он перешел мостовую и двинулся налево. Метрах в десяти от парадного Валентины стоял киоск, работающий в ночное время. Там продавались табачные изделия и кое-что из спиртного.

Кстати, в пачке Алекса оставалось всего две сигаретины, и ему тоже не помешало бы обновить запас. Он подошел к окошку и протянул купюру:

– Две пачки «Космоса» с ментолом.

Сзади остановилась машина. Алекс, не оборачиваясь, услышал, как опускается боковое стекло, а затем раздался мягкий мужской голос:

– У вас зажигалки не будет?

Точно так же обратился к нему пару часов назад и «хорёк», то есть господин инспектор Карнаухов. Теперь, стало быть, следовало ожидать удара чем-нибудь твердым по голове.

«Не слишком ли однообразно», – подумал Алекс и медленно обернулся.

В иномарочном затрапезье, сильно смахивающем на фольксваген времен Третьего рейха, сидел румяный толстячок, неприветливо улыбаясь, помахивал пухлой кистью руки с незажженной сигаретой. Голубой, что ли? Не нашел ничего оригинальнее, чтобы заговорить? Вон же у него зажигалка, на панели управления.

– Чего надо? – грубо спросил Алекс, медленно подходя к автомобильчику и сидящему в нем толстячку.

Молодой здоровый киоскер, нарочито широко зевнув, уставился философски отрешенным взглядом в пространство перед собой так, как будто до самого горизонта не наблюдалось ни одного движущегося объекта.

– Вечер. Можно сказать, полночь. Видно, у вас кончились запасы? – еще более вкрадчиво почти прошептал ночной автолюбитель. – А у меня литрочка «Бифитера». Джин хорош уже тем, что его можно без закуски. Хлебнем по стакашку?

– Вы иностранец?

– Да. А как вы распознали? У меня же нет акцента.

– В России уже три пятилетки, товарищ шпион, говорят «махнем», а не «хлебнем».

– Вы быстро перешли от недоверия к юмору. Значит, вы уверенный в себе человек. И скорее всего, отправитесь сейчас на свидание к любимой девушке. Значит, говорите, махнем? Да, это звучит энергичнее. Садитесь в машину, в ногах правды нет.

«Ни Пионерки нет, ни Комсомолки», – продолжил мысленно Алекс и сел рядом с водителем.

Интересно, а далеко ли от ларька удалось вчера уйти Мартину? Они выпили из пластмассовых стаканчиков «Бифитер», и можжевелевый дух джина действительно вроде бы не требовал закуски. Алекс понимал, что толстяку что-то от него надо, но решил не облегчать ему задачу, а посмотреть, как тот подойдет к делу.

– Моя машина стояла вон там, – показал водитель рукой за спину.

– Что, у вас тоже свидание с любимой девушкой?

– Давайте, кстати, вернемся туда, а то продавец в ларьке уже, наверное, думает, что мы сговариваемся, как ловчее его ограбить.

Авто дало задний ход и метров через тридцать резко затормозило. Алекс отметил про себя совершенный автоматизм и быстроту, с которой водитель проделал необходимые манипуляции, и подумал, что его предположения о голубизне ночного пижона – слишком поверхностны и что, может, тот вовсе и не пижон.

– Я видел, как вы выходили из подъезда. А пять минут раньше здесь была милиция и врачи. Кого-то вынесли из подъезда и увезли.

– Да, я знаю об этом. Произошло убийство.

– Он тоже... местный жилец? Вы его знали?

– А с чего вы взяли, что это был он? И прежде, чем спросить, что значат все ваши вопросы, я все-таки разочарую вас. Это была женщина. И она не жилец этого дома. Впрочем, теперь уж и вообще не жилец.

– А вы? Жилец?

– Ну вам и не везет! Представьте себе, что и я не жилец этого дома. Но, как ни странно, пока еще жив.

– Хотите еще выпить?

– Это что, плата за то, чтобы я ни о чем вас не спрашивал, и продолжал отвечать на ваши вопросы? Но мне нужно другое. Ваш автомобиль и вы за рулем – на всю сегодняшнюю ночь. Ну и, разумеется, наличность, какая у вас есть с собой. Это, впрочем, только если потребуется.

– Круто берешь, ковбой.

– Я же вижу, что вам без меня тут не разобраться. А мне тоже предстоит этой ночью кое-что. И ваша помощь будет совсем не лишней.

– Итак, ты тоже не жилец этого дома?

– Так по рукам?

– Это само собой. Ты же выпил со мной джина, а я тебе его предложил. Что же нам теперь делить? Кстати, зови меня Боб, а я тебя буду звать Алекс. Так правильно?

– Если ты, Боб, догадался, как меня зовут, то ты наверняка знаешь, как зовут Харта.

– Конечно знаю, Алекс. Харта зовут так, как его называют его друзья и проверенные люди.

– Ладно, Боб, я вижу, что ты хоть и называешь меня ковбоем, но не уверен, крепко ли я держусь в седле. А ведь так дружба у нас не задается. Ладно, Боб, хочешь я через минуту сообщу тебе не только имя Харта, но и твое звание?

– Хочу, Алекс, очень хочу. А вдруг меня уже произвели в пятизвездного? А я тут все с тобой сижу, суп варю.

– Есть у тебя в машине телефон?

– Обижаешь, ковбой. – Боб открыл панельку на приборной доске и достал оттуда трубку. Алекс набрал номер.

– Алле, Герб, я только что выпил «Бифитера» с одним парнем из Штатов.

– Если это близко от моего дома, – ответил литератор Герб, – то я могу к вам присоединиться. Надеюсь, ты для этого мне и звонишь?

– Попозже, Герб. Оно от нас не уйдет. А сейчас я близко от дома Мартина Марло. Звоню из машины этого штатника. Слушай, ты говорил, что на той неделе участвовал в какой-то клевой пресс-конференции. Что это за хретотень там была, ты мне не напомнишь?

– Да фэбээровцы из Постоянного представительства и наши соловьями заливались, какие они теперь друганы.

– То, что нужно. Там был такой Харт?

– А то. Чарльз Харт. Я к нему и после официальной части подошел. У него, как мне показалось, кругозор для ищейки как бы избыточный. Он мне, по итогам нашего разговора, дал свой телефон и заходить даже приглашал. Он квартиру на Маяковской снимает.

– Ну и как? Ты у него был?

– Да ты понимаешь, просто на пьянку как-то вроде неудобно напрашиваться. Правда, у меня тут один сюжетец наклеывается. Я ему позвонил, имею-де разговор и нуждаюсь в консультации. Но, к сожалению, дело не выгорает пока. Он сегодня в отпуск летит, а вместо него пока новенький, некто майор Роберт О’Брайен. Конечно, Харт разрешил мне, если что срочное, обращаться и к этому майору, но это ведь, ты же понимаешь, как говорят французы, фасон дю парле, не более. Что мне в этом майоре? Ты же понимаешь, мне с хорошим человеком хочется поговорить... А Харт, насчет виски, очень неслабый кадр.

– Все, Герб, пока. Остальное при встрече.

Алекс отдал трубку О’Брайену, закурил «Космос» с ментолом и сказал:

– Прости, Боб, за фокусы, но ты сам этого хотел.

– И что же я такого хотел?

– Ты же хотел узнать, как там твои дела? Докладываю. Пятизвездного ты еще не получил. Ты пока еще только майор, Роберт О’Брайен. А Харта зовут Чарльз. Ты удовлетворен?

– Но как ты это сделал, Алекс? У нас в Штатах, чтобы получить информацию об офицерах такого ранга...

– У вас в Штатах демократия развитая, а у нас – древняя.

– Все равно непонятно.

– У вас в Штатах «Вашингтон Пост», чтобы раскрутить Уотергейт, а у нас – пивная на Смоленской.

– Так бы сразу и говорил. А теперь, Алекс, самую чуточку поконкретней.

– Мой приятель, которому я сейчас звонил, пишет детективы. А так как демократия у нас очень древняя, то по старинному обычаю писателей у нас любят и уважают. На свой, конечно, на исконный лад. И поэтому время от времени приглашают их на разные встречи, душевные, понимаешь ли, беседы с господами генералами, сыщиками и шпионами. Что же касается Марло, то он был бывшим любовником моей будущей жены.

– Как ты сказал? Бывший любовник будущей жены? Да если бы «Вашингтон Пост» не то что о Никсоне, а даже о майоре О’Брайене напечатал подобное, то все решили бы, что редактор сошел с ума или наборщик был пьян.

– И всех нас объединяет любовь к пиву. А его поглощение на открытом воздухе, в хорошей мужской компании является у нас процедурой инициации, то есть посвящения в разряд путевых мужиков.

– Как интересно, Алекс. Харт наверняка этого не знает. Я только что прибыл в Россию и уже смогу сообщить своему шефу кое-что новенькое. Путевые – это такое объединение людей, которые ходят по путям? Или сторожат вдоль дорог?

– В каком-то смысле, Боб. Впрочем, это слишком сложная категория для западного мышления. Чтобы понять это глубже, тебе просто надо познакомиться с некоторым количеством путевых.

– Как ты, например?

– Есть куда более путевые. С одним из них, кстати, нам неплохо было бы сейчас переговорить.

– Это далеко?

– Рядом. На скверике у пивной. Ты поедешь со мной?

– Мы же договорились.

– Но ты меня немного проверил, так ведь, Боб? По тебе я сразу увидел, что у себя в Штатах ты тоже считаешься путевым мужиком. Но один вопрос тебя не утомит, не так ли?

– Как можно, Алекс? Спрашивай, о чем только ты пожелаешь.

– За что твой шеф, Чарльз Харт, получает деньги в фэбээровской конторе? Объясняю вопрос, Боб, чтобы Бог дал столько здоровья твоему шефу, сколько нам с тобой еще распить «Бифитера». После звонка Харта я говорил с будущей женой, и оказалось, что она танцевала с ним однажды в ресторане. Затем я говорил с Гербом, и случайно снова оказалось, что он знаком с Хартом и даже удостоился приглашения к тому на квартиру.

– Хороший человек идет к хорошим людям. Мой шеф – очень хороший человек.

– Не сомневаюсь. Кстати, ты иногда выражаешься, как мафиози в наших телесериалах. Я думаю, что ты здесь ни при чем. Тебя, наверное, просто перекормили нашей киночернухой, когда готовили к командировке сюда. Но это к слову. А получается такая петрушка. Герб, Марло и я – все мы люди совсем другого плана, нежели тот, который должен занимать фэбээровца в Москве. Мы не связаны с организованной преступностью, не занимаемся сбытом или приобретением наркотиков или оружия, не отмываем грязные деньги. Что же вас интересует, тебя и твоего шефа? Разумеется, ты можешь ответить мне так, как сам сочтешь нужным. Но от этого зависит, будем ли мы сегодня ночью работать с тобою в паре. Или вообще разбежимся. Ты – чтобы писать отчет о проделанной работе. А я...

– Ага. Тебе нужны гарантии. Наши полномочия.

– Нет, Боб. Я повторяю, мы сидим с тобой в машине, и ты просто человек, который угощает меня выпивкой. И этого достаточно. Но через час мы можем лежать с тобой в кустах. Или лететь с двадцатого этажа. Или прыгать с парашютом. И я должен знать, чего ожидать от тебя. А знать я это могу только в том случае, если буду понимать, во имя чего вы действуете. Ты, Харт и те, кто вас послал сюда.

– Ты не боишься, что услышишь больше, чем... полезно для здоровья?

– Ты скажешь мне ровно столько, сколько необходимо, чтобы мы действовали заодно.

– Ровно иногда не получается. Ты начинаешь игру, Алекс, но ты ведь можешь и отказаться?

– Давай, майор, начнем с констатации простого факта: мы с тобой – граждане разных государств, и что хорошо для «Дженерал Моторс», то, конечно, хорошо и для Соединенных Штатов. Но запросто может быть неправильно понято в московской пивной.

– Ты знаешь, какой тормозной путь у крупного судна?

– У сухогруза «Петр Васев», говорят, был порядка полутора километров.

– Значит, чтобы избежать столкновения, необходимо вовремя установить связь.

– У Васева все время была связь с теплоходом, в который он врезался.

– Значит, капитаны не верили, что их суда могут столкнуться. Не верили информации, которую они получали.

– Таким образом, майор, встает философский вопрос: что есть информация?

– А никакой тут философии. Информация есть сведения, которым мы можем доверять. А доверять мы можем только тому, что приходит к нам от надежного источника. И по надежным каналам связи. А теперь представь себе, каков тормозной путь, какова инерция у государств, империй, цивилизаций? И в результате неправильной интерпретации событий они иногда ложатся на опасный курс, который может привести к катастрофе.

– Почему же им не объясниться напрямую, чтобы, так сказать, снять неправильность интерпретации?

– У правящих элит, Алекс, имеются сложные системы защиты, выработанные иногда целыми столетиями специальных усилий в этом направлении. Такие защитные пояса создаются именно для проверки всего, что приближается, в каком-то смысле, к ядру элиты. Прежде всего, конечно, для проверки информации и новых людей, которые несут в себе эту информацию. И наконец, давай поговорим о времени. Процедуры проверки, как ты понимаешь, весьма длительны и сложны. Значит, если нас что-то серьезно беспокоит, надо прежде всего выяснить следующее: от кого это исходит, и можно ли с ними договориться. Ну, или по крайней мере предупредить их, что все известно, и, следовательно, не пора ли уgomониться.

– А что же у нас со временем?

– А со временем бывает нехватка. Допустим, нет надежного канала связи. А запускать новый нет времени. Проблему надо решать быстро, а чтобы пройти защиту других элит, нужно время, которого у нас нет.

– И вы надеялись пройти эту защиту с помощью Мартина?

– Йес, сэр.

– Значит, его убрали или из-за него самого, или чтобы лишить вас этой возможности?

– Похоже, что именно так, мистер.

– Ты сказал, Боб, что проблему надо решать быстро. Но забыл сказать, какую именно.

– Боюсь, что с устранением Марло в нашей колоде не осталось играющих карт. Придется идти вместе с вами по следу. Другого ничего нет.

– Ну так поехали?

– Он сказал: поехали? И чем-то взмахнул?

– Он сказал, а мы слышали. Трогай, Боб. А любящие нас девушки немного подождут.

– Как его зовут, этого, к которому мы едем?

– Гарик. Хотя что это означает и так ли это на самом деле, сказать тебе не могу.

15

Хороши летние ночи на запасных путях Курского вокзала. А чем именно они хороши, о том следуют пункты, о которых хорошо был осведомлен Саня Рашпиль, в миру, покинутом им лет пять назад, Александр Миронов.

Начинал он здесь с мелкого и нелегального поклева, с попыток подноса багажа. За что не раз бывал бит свирепым и решительным племенем официальных носильщиков. Саня рассудил тогда логично: ежели подносить багаж ему не разрешают, то стоит заняться просто его похищением.

Но не задалось и на новом трудовом поприще. Если его не хватали, не избивали и не вырывали все из рук прямо на месте преступления, то чаще всего где-то на темных путях, в глухом тупичке, как из-под земли возникали менты, и кончалось все тем же: его хватали, давали по ушам или ниже пояса и, конечно же, вырывали все из рук.

Но это было давно. А с того времени Саня Рашпиль сделал, можно сказать, солидную карьеру в Товариществе с ограниченной ответственностью «Курский вокзал и его окрестности». Теперь его больше не интересовали заманчивые – чаще всего только на вид, а не по своему содержанию – чемоданы граждан и гражданок, отбывающих на юга. А интересовали его вагоны, и при этом вовсе не пассажирские, прибывающие с югов, и частенько не идущие сразу под разгрузку, а загоняемые до лучших времен на запасные пути.

Лучшие времена наступали иногда прямо в первую же ночь стоянки. Правда не для вагонов, а для Рашпиля и его подручных. Вагоны вскрывались грубо или ювелирно, потрошились тотально или выборочно, стремительно или в течение нескольких часов, а то и нескольких ночей.

Ну и, разумеется, в зависимости от контакта или отсутствия оно с теми, кому по роду службы положено было бы пресекать подобные поползновения.

Сияла луна, и рельсы нежились в ее вызывающем сиянии. Так же сиял, а лучше сказать, сверкал вагон. И это происходило уже третьи сутки подряд. То есть вагон, весь из себя суперсовременный и сверхзащищенный, не то что опломбированный, это уж само собой, а еще и перекрытый внахлест рельсами капитального, во всяком случае недешевого, металла, третьи сутки стоял как бы бесхозный. Сутки Саню не очень и интересовали. Разумеется, для него значимым событием было то, что шикарный, посверкивающий в пепельных лучах ночного светила, загадочный, как марсианский аппарат, вагон оставался без присмотра вот уже третью ночь.

Это обстоятельство представляло как бы вызов или уж, во всяком случае, приглашение к размышлению. С одной стороны, то, что не обихоженное охраной вагонное чудо надо было брать, не подлежало сомнению. Но с другой стороны, Саня хотел еще пожить. Что греха таить, быть расстрелянным внезапными вспышками из ночной черноты никак пока не стояло в его жизненной программе. Как говорится, не о том кума хлопотала.

То есть вызов вызовом, но многое и настораживало. Ну допустим, вагонов таких он никогда раньше не видел. Стало быть, откуда такой появился? То, что с югов, это понятно, но откуда именно, и кто провел?

Лежал Саня в засаде и думал думу. Вызывать ли подручных? Что там внутри? Уже только вскрыть такой вагон – задача не из самых элементарных. Вскрыть. Проникнуть. Уже одно это – работа. Точнее, ее начало. А ведь если ты работник, а не гусар, то начинаешь только ту работу, которая исследована на предмет ее рентабельности.

А рентабельность почище той науки, имеет о-хо-хо сколько гитик. Бывает товар бросовый, но «обширный», из серии «таскать тебе, не перетаскать». Такой перетаскаешь и доставишь куда надо, а барыга отслюнит столько, что в аккурат на оплату грузовика да пацанам,

которые на подхвате всю ночь крутились, еле хватит раздать, чтобы шпикачки под пиво зарубали. На таком товаре, стало быть, ни славы среди своих, ни монеты в карман не добудешь.

Есть товар, который легко брать, да трудно прятать. А прятать приходится. Потому что его берет не каждый. А тот, кто берет, говорит: подожди. Налички, мол, нет. Может, у него и есть, но он говорит: подожди – и будешь ждать.

Есть товар «острый». Самые тертые ребята предпочитают такой как бы даже и не замечать. Вскрыл тару, взглянул молча, да и пошел дальше по проходу шарить. Потому что если и брать остряк, то делать это надо быстро и скрытно, ничем не выдав себя напарникам. А далее ховать: тихо, далеко и надолго. И спокойно, через многие как бы незаинтересованные разговорчики, искать нужного тебе человека, выходить на приемщика. А такой образ действий не каждому по нутру, не каждому по возможностям.

И в конце, даже если сделал все правильно, то на встрече с приемщиком можешь получить не серебро в карман, а чуть тусклее – свинец под ухо.

Это только тебе кажется, что с *остряком* ты все сделал правильно. А на деле правы, как и во многих других случаях, оказывались именно самые тертые. И самым полезным для здоровья в конечном счете было бы вовсе не замечать такого товара. То есть в высокоэффективном хозяйстве, в недрах которого вот уже несколько лет подвизался Саня Рашпиль, действовали немногочисленные, но четкие правила техники безопасности, одно из которых гласило: *работай* только своего клиента, и встретишь спокойную старость. Ибо чаще не жадность фраера губит, а работа не по своему профилю.

Да впрочем, это ведь почти одно и то же. Жадность, неумение отказаться от случайно подвернувшегося, которое кажется ничьим, и надо быть дураком, чтобы пройти мимо.

И казалось Сане, что даже не зависимо от своей начинки, как бы уже сам по себе, всей своей мощной, литой статью, этот вагон относится к категории остряка.

Минут через десять за спиной Сани раздался голос:

– Ну, ты чего на него зыришь? Брать не хочешь?

Рашпиль вызвал для консультации Старшого. И уже первые его фразы напомнили Рашпилю, что бюрократия процветает не только в министерских кабинетах. Старшой, похоже, тоже не рвался брать решение на себя.

– А надо? – спросил Саня по-глупому, то есть так, как и следовало говорить в данной нервной и покуда неясной еще обстановке.

– Хочешь, щупай, – придурковато ответил Старшой. – По моей линии атаса не звонили.

– Приглядишь? Неохота пацанов для начала звать. Мало ли чего там внутри.

– И правильно. Ты давай ныряй, а если что интересное, вылезай и все сначала обсудим.

Нас здесь двое, Рашпиль, ты меня понял?

– Секу помаленьку.

– Ну и все. Значит, все будет правильно. Нас пока двое, значит, как мы здесь решим, так потом все и будет.

Старшой, как было заметно по неуверенным указаниям, тоже отчего-то нервничал. Воистину в таких случаях говорят: бес попутал. Казалось бы, тихо-мирно люди живут, хлеб жуют, никого не трогают. Кто же тогда, как не бес, подогнал сюда и прямо перед ними поставил это лунное металлическое чудо?

Саня на полусогнутых подошел к высоченному вагону и для начала достал из кармана вакуум-трубку.

Дико и непонятно, казалось бы, с первого взгляда, загонять такого красавца на запасный, бросать без охраны, а одновременно мониторить с помощью дорогостоящей аппаратуры. Но мало ли чего происходило в этом мире дикого и непонятного для таких мелкашей-старателей, как Саня, Старшой или даже Старшой над этим Старшим?

Но уже он клюнул, прыгнул, повязался. И руки уже производили привычные манипуляции с вакуум-трубкой. Под ее воздействием краска на подозрительном, а точнее говоря, перспективном для Рашпиля участке стальной стенки вспучилась, и под ней обозначился участок замка. Проявился.

Краску-то можно потихоньку с участка отверткой убрать, но если далее вскрывать замок, то неизбежно сработает охранная сигнализация. Скорее всего, конечно, не ревун, как у авто потревоженного, а просто, опять-таки, в какой-нибудь сторожке, у дедугана, над столом с бутербродами на газете, загорится лампочка.

Но пока дедуня поднимет трубку, чтобы доложить обстановку, и пока на том конце провода будут пристегивать пушки и натягивать сапоги, и пока прибегут-проломятся, а Старшой-то на стреме и далеко окрест все чувствует. А ночь хотя и лунная, но местами очень даже темная. Словом, шансы утечь вовсе даже неплохие. Просто надо работать очень быстро, а утекать по засветке еще быстрее.

И что толковать, когда переправа началась.

Острыми вспылками, как сигналом бомбардировщику, посверкивали в руках инструменты. А руки у Рашпиля чуткие. Какую аппаратуру он налаживал, когда работал в НИИ... Только вспомнить. Да уже и не вспоминается. Только руки помнят. Как через рукоять инструмента чувствовать дрожь и потаенные извивы металлического лабиринта, куда введен хоть какой-нибудь шуп, пусть и не толще самой тонкой иголки.

Снял Рашпиль оклад замка, размонтировал подковки металлические, все еще преграждающие доступ к сокровенным внутренностям целомудренно защищенного устройства, и мягко, кончиком указательного пальца, проверил, что там внутри и как.

Этот хитрый импортный замок расколдовывать по всем правилам научного тыка не было сейчас ни времени, ни необходимости. Его следовало просто разобрать.

Сделано как задумано, и рука ушла по локоть и, разумеется, с внутренней стороны нащупала массивную щеколду, засов, который по первому усилию вовсе не собирался никуда двигаться. Рашпиль понимал, что там, изнутри, должна еще быть блокировочная клавиша.

Он нащупал блокировку и нажал на нее, оставив панельку в утопленном состоянии. Теперь, чтобы снова заблокировать щеколду, достаточно было всего лишь вернуть утопленную клавишу в первоначальное положение.

Затем он отодвинул изнутри засов, осторожно вытянул руку наружу и надавил снаружи плечом. Металлическая дверь подалась, и на серебрящемся боку вагона нарисовался темный проход метра в полтора высотой.

«Как раз для Лехи Губана», – подумал почему-то Рашпиль и, даже не оглядываясь на Старшого, шагнул внутрь.

Лампочка над столом у дедуни загорелась, конечно же, как только Рашпиль приставил к стенке вагона вакуум-трубку. Заслуженный птеродактиль охраны, считавший вохру самой романтической профессией в мире, довольно усмехнувшись, тут же поднял трубку выдавшего виды телефона.

Рашпиль достал из заплечного рюкзака стробоскопический сигнализатор, извлеченный им некогда из аппаратурного чемодана-комплекта английской фирмы «Бизек».

Отключил сирену. Теперь у него в руках был обыкновенный фонарь, правда, со сверхмощным лучом, по идее разработчиков предназначенным для подачи сигнала о помощи теми, кто заблудился в горах, – туристами, альпинистами, пастухами... да мало ли кем еще? Может быть, даже и злоумышленниками. Любая власть сурова, но справедлива. И при всех неприятностях, которые она может причинить гуляющему не там, где положено, все-таки есть много шансов, что на месте тебя не растерзают.

Рашпиль включил стробоскопический луч «Бизека» и направил его вдоль вагона. Все стены вагона до самого потолка были заставлены некими деревянными секциями. Узкими

такими стеллажами. Как в хранилище библиотеки. Но здесь из всех стеллажей высывались не корешки книг, а абсолютно одинаковые торцы обтянутых кожей кейсов. Ну очень много кейсов.

По некоторому прошедшему по затаившейся темноте движению Старшой понял, что очень скоро придется делать ноги. И при этом совсем не от тех, с кем можно перемолвиться в понятку и решить проблемы к взаимному удовлетворению.

«Зря ввязались», – подумал Старшой.

Стар стал, на подвиги потянуло. И Рашпиля не оставишь. Его, если на месте не завалят, вытаскивать из-под допросов лишних придется. Вот Саня на Большом Сельсовете сразу и доложит, что, де, сомневался, идти ли на подвиг, а Старшой ему на то добро дал.

Рашпиль немного продвинулся вперед, дошел почти до середины вагона и снова, уже более тщательно, стал освещать и рассматривать чрево, в котором он оказался. И он еще раз убедился, что весь вагон, что называется, под завязку был заставлен стеллажами с абсолютно одинаковыми кейсами. Их количество, впрочем, легко было прикинуть, что Саня и не замедлил сделать.

Всего в вагоне было установлено пять секций стеллажей: две вдоль стенок и три по центру, с весьма узкими проходами между ними. Высота каждой секции составляла десять стеллажей, а длина – десять отсеков, по двадцать торцов кейсов в каждом – итого две сотни. Перемножаем двести на десять, а затем еще на пять, вот и получаем аккурат десять тысяч штук. Десять тысяч стеллажей, а в них десять тысяч кейсов, а в них... Да хоть бы они и пустые все были, как бумажник пенсионера, выходящего от молодой проститутки, так ведь десять тысяч таких шикарных кейсов сами по себе стоят веселых бабок.

Что-то Рашпилю подсказывало, что уж лучше бы они и впрямь оказались пустыми. Тогда бы у него еще оставались какие-то шансы вернуться к прежней жизни, которую покинул он так неосмотрительно, всего несколько минут назад, когда шагнул в черный прямоугольник, возникший в стене вагона.

Сигнал тревоги, который передал бдительный дед в железнодорожную охрану, был воспринят не только там. У дежурного оператора, старлея Симонова, сидящего в подвальном помещении шестиэтажного дома за трехметровым железобетонным забором, в одном из новых районов Москвы, включилось записывающее устройство. Заметив игривое перемигивание сигнализации, Симонов прибавил уровень звука и, таким образом, не только записал, но и прослушал сообщение дедугана.

Сообщение-то... тьфу, и растереть. Якобы кто-то, где-то, на каких-то запасных путях, пытается проникнуть в какой-то вагон. Да разве может такое трижды банальное сообщение иметь хоть какое-то отношение к бессмертной душе старлея?

Оказывается, может, и даже не «какое-то», а самое прямое. Убийственно прямое. Через два часа Симонова должны были сменить, и он намеревался провести остаток ночи вместе с Лорой, своей новой, а впрочем, и всего-то второй за не столь и буйные молодые годы, любовницей.

Лора сказала, что на этот раз они поедут веселиться к ее подруге, кажется, к Валентине. Старлею это было все равно. Он знал, что если Лора приглашает, значит, все будет шикарно. А сама Лора и то, чем она с ним занималась, нравились ему настолько, что он готов был жениться по первому требованию. Требования пока не поступало. Пока что дело обстояло так: она его вызывала, и он прилетал. От него, собственно, и требовалось всего лишь иметь наличник на ночные таксо. Ну да слава Богу, в учреждении, где подвизался старлей, зарплату еще не задерживали. Пока не дошла, стало быть, до них эта мода. Так что на мотор, после закрытия метро, или на западные презервативы экзотической конфигурации и расцветки, на «Метаксу», «Абсолют» или «Шеррибренди» пока еще, хоп-хоп, чтоб не сглазить, в кармане шуршало.

Симонов набрал номер Лориной квартиры и доложил о прошедшей информации подполковнику Кублицкому.

Иван Григорьевич Кублицкий был отцом Лоры, но в данной конкретной ситуации это, разумеется, не имело никакого значения.

Имело значение совсем другое обстоятельство. Кублицкий спросил, почему Симонов не передал записанную информацию по модему, а предпочел устное сообщение. Старлея такая постановка вопроса, конечно, задела, но только слегка. Он не чувствовал себя ни вполне правым, ни слишком виноватым.

Конечно, можно было не включать звук, а просто переписать записанную информацию по модемной связи на персональный компьютер Кублицкого. Собственно, именно о такой последовательности действий и была договоренность с подполковником перед сегодняшним дежурством.

Старлея не очень интересовало, не нарушает ли эта их договоренность каких-то там пунктов служебной инструкции. В конце концов Кублицкий был большим начальником, и если у кого-то когда-нибудь возникли бы по этому поводу вопросы, то, разумеется, они были бы заданы именно начальнику, а не стрелочнику-старлею.

Но Симонов взял да и поступил по-другому. И вовсе не из какой-то там особой бдительности, и уж тем более не из служебного рвения. В своей работе старлей не видел решительно ничего романтического или загадочного. Более того, как принципиальный, можно сказать упертый, технарь весьма невысокого полета, он и вообще ни в чем, окружающем его, не видел ничего загадочного или даже просто отклоняющегося от рутинного хода вещей.

За исключением его встречи с Лорой. Симонов, понятное дело, видел, что дочь Ивана Кублицкого не по его калибру, что бы уж там под этим не подразумевалось. Но их пути все-таки пересеклись, и она загорелась и продолжала крутить с ним, и вот это и было свободным отклонением атомов Демокрита от предначертанных для них от века траекторий.

Вот Симонов, не ведая, конечно, ни о каких вольных прыжках вроде бы слепых атомов, а просто будучи в состоянии душевного подъема по поводу продолжающегося романа с Лорой, решил прослушать сообщение и сообщить его лично подполковнику. Тем более что к телефону могла ведь подойти и сама Лора, и он, стало быть, еще до свидания мог сообщить ей, что все бортовые системы его здорового корабля работают нормально, а сам он с нетерпением ожидает очередного совместного выхода в открытый космос.

Но благими намерениями, как известно, выстлана дорога к серьезным неприятностям со здоровьем. Или, как иногда элегантно выражаются в известных кругах, клиент может внезапно промочить ноги.

Словом, не придал старлей значения недоумению, прозвучавшему в голосе начальника, и, включив электробритву, погрузился в полировку подбородка в ожидании приближающегося любовного свидания.

А Иван Кублицкий был этой ночью не столь внимателен к своей внешности, как его подчиненный. Он потер проросший жесткой колючкой подбородок и даже не ощутил раздражения кожи ладони. Он знал, что этой ночью, еще до рассвета, все правила игры могут поменять свои знаки. Все правила игры могут быть вообще отменены. Они могут быть взорваны, расплавлены и в подобном изуродованном, может быть даже следует сказать, извращенном виде поутру будут представлены городу и миру.

Однако же, могло произойти, а могло и... кончиться пшиком. Не то чтобы Кублицкий не доверял друзьям, которые подключили его к своему, звучащему поначалу фантастически, проекту. Он и доверял им как людям, и сочувствовал их целям. Просто как человек военный он был убежден в некоторых постулатах, которые выполняются даже независимо от качества человеческого материала. И один из таких постулатов гласил: как бы хорошо ни была спланирована акция, наиболее вероятный ее исход – провал. Неудача.

И будь ты хоть трижды генерал, как Крючков, или дважды катапультируйся, как Руцкой, но если с самого начала не знал и не готовился к тому, что, скорее всего, все лопнет и ничего не получится, то мыслишь ты не как «военная косточка», а как салага. По крайней мере, по отношению к данному, усвоенному военными людьми постулату.

Вот исходя из этого и ему подобных постулатов воинской службы Кублицкий собирался действовать и на этот раз. Он согласился выслушать, когда его кой во что посвятили, и обещал что-то предпринять, когда придет время. Но он не разделял ни телячьих восторгов от якобы грандиозных перспектив планируемых действий, ни мгновенных скачков от паники к полной уверенности в успехе.

Он просто согласился принять участие, но только *на своем месте*. Так что, точнее было бы сказать, не принять участие, а просто помочь при необходимости кое-кому.

Но «просто помочь» – и это он тоже предчувствовал, а в глубине сердца знал точно – с самого первого шага оборачивалось прямым действием на самом опасном, самом грязном направлении. В вагон полезли на час раньше, чем планировал Четвертый, а значит, полезли не те.

И «маленькая изящная провокация», как весело выражался Четвертый, которая «пре-больно ударит по носу этих зарвавшихся янки», с первого же такта обещает перерасти в нечто с топотом, потом и кровью.

Иван Григорьевич доложил Четвертому обстановку и, разумеется, в ответ услышал то, что и ожидал: накрыть, заблокировать, обезвредить... А какие действия придется при этом предпринять, об этом у политиков, богатеев и прочих членов банды голова никогда не болит.

Впрочем, назвался груздем, полезай в вагонзак. И не иначе. Поздно теперь рюмить, институтку разыгрывать. Вот только уж совсем не понравилась ему та дотошность, с которой Четвертый расспрашивал его об обстоятельствах звонка Симонова. Как бы парню не подзалететь... в студию Останкино при апостоле Петре.

Впрочем, прежде всего дело, а отмазка потом.

Кублицкий позвонил своим спецлюдям и приказал ввиду изменившихся обстоятельств немедленно начинать операцию.

– Мы не знаем, кто там, – объяснил он старшему группы, – скорее всего, случайные люди. Точнее говоря, вольные стрелки, из тамошних добытчиков. Но что точно, так это то, что через несколько минут на них пойдет вохра.

– Сколько вохры? – уточнил на том конце провода любознательный паренек. И сделал это тоном, которым мясник спрашивает у хозяйки: вам с косточкой или как?

– Думаю, что сначала они пошлют людей просто проверить, что там происходит. Значит, пойдут трое-четверо. А кого они застанут и что там произойдет, это вы уже сами сможете понаблюдать.

Затем по сотовой связи он разыскал Лору, которая ночами перемещалась по Москве, как он в свое время по тылам врага.

– Детка, – вкрадчиво начал он, – ты сегодня, если я ничего не путаю, идешь в гости с одним очаровательным старшим лейтенантом.

– И что ты хочешь сказать, па, по этому поводу?

– Успокойся, я вовсе не собираюсь обсуждать, действительно ли время от трех до пяти утра – самое удачное для визитов. Вероятно, вы этот вопрос уже обсуждали и пришли к единому мнению.

– Ну разумеется, па. Что это ты тянешь сегодня... Говори, что тебя беспокоит?

– Ты вот что, Ло, пригляди-ка сегодня за своим красавчиком. Он парень безвинный, а на него могут подумать.

– Как вы мне надоели! И ты, и твоя бандитская работа.

– Ну, ну, Ло, полегче. Твой Ваня – государственный человек. Стою на страже...

– Ну ты, па, прямо как Черномырдин выражаешься. Когда мужики говорят загадками, я прям балдею. Ладно, па, все. Засекли и пролетели.

«Ну вот, – подумал Иван Григорьевич, – если я не ошибаюсь в собственной дочери, то за Симонова в ближайшие сутки можно быть спокойным». А теперь следует отдать должное и субординации, то есть доложить полковнику Воронову.

«Породистый щенок», – иногда думал Кублицкий о своем начальнике отдела. При некоторых же обстоятельствах чувствовал, что в этом парне что-то есть. И во всяком случае, с ним можно иметь дело.

– Олег Юрьевич, не спишь?

– Нет, Иван Григорьевич, не задалось у меня что-то сегодня со сном. Слушаю тебя. Давай огорчай молодое, неопытное начальство.

– Да особо и огорчить нечем. Наши по старым делам, наверное, остались подключены к вохра¹ на Курском вокзале. Поступил сигнал, кто-то у них там не туда полез.

– А мы-то при чем?

– А мы ни при чем. Но раз уж сигнал наши приняли, я дал добро, чтобы они блокировали точку конфликта по дальнему периметру и пронаблюдали. А то как бы вохра и те, кто полез, больших фейерверков не устроили. Все-таки почти центр города.

– Послушай, Иван Григорьевич, ты о вчерашнем нападении на капитана Петухова что-нибудь знаешь?

– Жив будет капитан. Мои ребята были уже у него в больнице. Врачи обнадежили. Жену его, конечно, жаль, ее уже не вернешь.

– А что по сыску?

– Кажется, обычная бытовуха. Вероятного убийцу заметили и когда он входил, и когда выбегал обратно из подъезда. Да он и живет в том же дворе. Вместе с братцем, таким же громилкой. Что-то они с капитаном не поделили. Думаю, зажимал их Петухов по части дворового раздолбайства. Сейчас эти два брата-дегенерата в усиленном розыске. До утра, думаю, их задержат.

– Я сейчас за городом, на даче у одних знакомых. На меня было совершено нападение. Как раз этими двумя братанами. И уверяю тебя, никакой бытовухи между нами не было.

– С тобой все в порядке?

– Они мне прилично дали по ноге. Какой-то железкой. Потерял много крови. Но мне здесь уже оказали помощь. Можно сказать, все обошлось.

– Где ты с ними расстался, Олег?

– На Киевском вокзале. Запрыгнул в отходящую электричку. По моим данным, они замешаны еще в одном деле. И на Петухова они набросились не просто так.

– Понятно.

– Вот я и говорю, когда будете брать, ожидайте с той стороны всего... Мне лично они нужны для разговора. Короче, если увидите их еще живыми, в этом же виде постарайтесь и сохранить.

– Ты где? Тебе не помочь? Может, выслать машину?

– Ничего не надо. Здесь полно людей на московских машинах. Я немного еще покантуюсь, а потом с кем-нибудь из них вернусь в город.

Дедуган поздно среагировал на резко затормозившую перед его сторожкой машину скорой помощи. Поздно и слабо. Хохочущие краснощекие молодцы в белых халатах гурьбой вбежали на крыльцо и рвали с крючка дверь, а он, совсем не как испытанный вохровский боец, а как баба заполошная, метался от окна к двери и причитал: «Вы што, ребяташки, да вы туда ль заехали?»

¹ Воснизированная охрана. – *Примечание ред.*

Лицемерил, конечно, старый, заплосал совсем от смертной тоски. Знал ведь по богатому своему жизненному и профессиональному опыту, что в этих делах ошибки не бывает. Рванулся к телефону, к оружию, но, конечно, не успел.

Двое могучих повалили деда на узкую жесткую тахту, перевернули его лицом вниз, растегнули ремень и стали стаскивать брюки. Дед извивался, вырывался и как бы от неожиданной радости изумленно покрикивал: «Эт как же, ребятушки? Накажут, поди, вас. Ой-е-ей, бедные головушки».

– Во дед попал шобутной, – беззлобно, впрочем, переговаривались между собой бедные головушки. – Ну кончай шухерить, дед. Мы че тут с тобой, колыхаться должны? Ты че, в натуре, один, что ли, у нас?

Загнали деду в зад иглу размером с противотанковую ракету и выдавили поршнем хорошо если не полведра какой-то адской смеси. Дед закатил глаза и напрочь перестал хрюкать и возмущаться. Лопающиеся от здоровья бедные головушки подхватили бездыханное тело старого бойца, мигом вынесли его на вольный воздух и немилосердно забросили в металлический кузов белой машины с красным крестом.

Саня Рашпиль, чтобы не было сомнений в содержании остальных кейсов, взял на проверку кейс из самой середины. Укрепил фонарь на верхнем стеллаже, чтобы освободить руки для вскрышных работ. «Прошел» замочек и распахнул кейс. Внутренности состояли из двух ярусов, как солдатская казарма, а каждый ярус из паралоновых ячеек. Рашпиль прежде всего, ни к чему не притрагиваясь, подсчитал количество ячеек: их было по пятьдесят в каждом ярусе, итого сотня.

В каждой ячейке лежал запаянный в пленку брусок, этакий спрессованный из отдельных прямоугольных листов параллелепипед. Саня взял из ячейки один брусок и потянул за отогнутый кончик узкой красной полоски. Прием был тот же, какой применяют при вскрытии зацеллофанированной пачки сигарет с фильтром. Саня не спешил. Он уже прикинул в уме не только, что он может здесь обнаружить, но и сколько. И он понимал две вещи. Во-первых, что так или иначе он все равно уже доведет это дело до конца, а во-вторых, что пришла пора прощания с прежней жизнью. А скорее всего, с жизнью вообще.

Пачка сто долларовых банкнот содержала ровно сто новых, с укрупненным портретом президента, зеленых, с металлическим хрустом, листов. Итого – сто на сто – в одной пачке было десять тысяч баксов. В одном кейсе было сто таких пачек. Итого один миллион долларов. (К этим цифрам слово «баксы» уже как-то не подходило.)

Итак, прикинем же все-таки, что же происходит?

Десять тысяч стеллажей, по кейсу в каждом. В каждом кейсе – миллион. Умножить один миллион на десять тысяч Саня мог и без арифмометра. Один миллион умножить на десять тысяч равняется десяти миллиардам.

Десять миллиардов.

Баксов?

Долларов?

Восемьдесят тысяч лье под водой?

Несколько дней назад Сане на глаза попала газетная заметка. В ней приводились данные о так называемом СВР, свободном валютном резерве страны. О том, что после выборов президента СВР России составил всего четыре с чем-то миллиарда долларов.

Итак, чтобы не говорить лишнего, перед Рашпилем в свободном пользовании находилась сумма, в два с половиной раза превышающая свободную валюту Федерации. Откуда-то сверху, из-за стеллажей, а точнее сказать, равномерно отовсюду, шипел потихоньку гадский фоновый звук. Так могла шуметь уже выключенная, останавливающаяся кофемолка. Или пылесос, где-то за три комнаты. Или работающий персональный компьютер.

Китайскому философу Чжуан-Цзы приснилось, что он бабочка и летает по летнему лугу среди цветов. Проснувшись, Чжуан-Цзы уже не мог решить, кто же он такой. То ли он философ Чжу-ан-Цзы, которому приснилось, что он бабочка, то ли бабочка, которой снится, что она Чжуан-Цзы.

Так и Рашпиль не мог решить, не зарезал ли его Старшой, быстро и безболезненно, еще до того, как он полез в вагон? И, стало быть, не находится ли он уже в раю или по крайней мере в его предбаннике?

В реальности ничего подобного, конечно, произойти не могло, но фоновый гадский звук доказывал, что все в этом гадском вагоне включено и все схвачено. Что весь он, от запломбированных стальных стенок снаружи до зеленой, райской долины внутри, – весь на учете у адских сил. Весь целиком на мониторинге, весь до последней молекулы просвечивается, прослушивается, записывается и передается хрен знает куда.

Пломбированный вагон однажды уже кто-то пригонял. Рашпиль где-то читал об этом. Но, кажется, не сюда, а в Питер.

Он понимал одно: если его еще не сделали и он еще не в загробном мире, то, что бы он теперь уже ни делал и как бы себя ни вел, теперь все едино – то есть его заделают в самое ближайшее время.

Конечно, он обречен, потому что попал на Марс. А на Марсе без скафандра не живут. Разве что прихватить один такой кейсик?

Если бы он был один, такой кейсик, то прихватить его было бы не менее опасно, чем посадить за пазуху гремучую змею. В обычном мире такой чемоданчик искали бы на суше и на море, с помощью батискафов и аэростатов, по его следу шли бы джувльбарсы, паханы и шестерки. Но здесь, в этом зеленом Эдеме, таких сказочных чемоданчиков было аж целых десять тысяч. И не то что исчезновение одного пройдет незамеченным, нет, конечно. Просто Санек как-то ощутил, что если его убьют, а это, в общем-то представлялось неизбежным, то не за один чемоданчик, а за все. И не за то, что увел, а за то, что увидел. То, чего простые смертные да не узрят.

В мозгу Саньки затрепетала мыслишка, что когда денег столько, то дело уже не в них.

«Эх, Мурка, Маруся Климова, прости любви-ма-ва», – замурлыкал Саня про себя, чтобы хоть частично затормозить поехавшую крышу.

Он выключил фонарик и положил его в рюкзачок с остальным инструментарием. В одной руке держа кейс, а в другой рюкзачок, ориентируясь на чуть белеющий прямоугольник проема, подошел к выходу.

Что там снаружи?

В случае чего понадобятся голова-руки-ноги. Все вместе и по отдельности. А вот рюкзачок уже не понадобится. Конец пришел Сане-взломщику, Сане Рашпилю и даже Александру Миронову. Всем этим людским профессиям и обликам не ходить уже больше среди людей и не светиться. Ни здесь, ни под небом чужим.

Перед тем как бросить рюкзачок в проход между стеллажами, Рашпиль еще подумал: «Хороший инструмент. Легко бы загнал». Но тут же вспомнил про содержимое кейса, который был у него в правой руке, и грязно выругался. По отношению к самому себе. Все, Саня, все. Тебе никогда и ничего не придется загонять. Толкать. Впаривать. Только бы спланировать из стратосферы в океан. Только бы перелететь через взрывное мгновение и шлепнуться где-нибудь в тине, в паутине, которую никто уже не будет просвечивать назойливыми прожекторами.

Рашпиль, прижимаясь к открытой в его сторону двери и стараясь не высовываться, цепко обшарил ночной пейзаж перед вагоном. Ничего и никого. Не стал ни прыгать, ни выползть задом, а перевесился всем боком и свалился вниз бесшумным пыльным мешком.

При встрече с землей кейсом чуть не вывернуло кисть руки. Но Рашпиль не издал ни единого звука. Наоборот, уткнувшись носом в пыль и жесткую траву, он прислушался к ночному звуковому фону вокруг себя и постарался профильтровать его. Но чужеродных, то есть искусственного происхождения, сигналов не обнаруживалось. Не слышно было даже ровного, гадского жужжания – того фона, что облучал или просто окружал его в вагоне.

Он полежал еще пару минут. Да был ли он там, внутри? А может, выпрямиться во весь рост, как это и пристало богатырю земли Курской, да и зашагать отседова со Старшим к такой-то фене, а конкретнее говоря, к своим девахам в ночных палатках?

Нет уж, фигушки. То раньше можно было. Да еще и как можно! Во всяком случае еще ни одна из тех девах не жаловалась.

Рашпиль ухитрился все тем же бесформенным мешком откатиться от вагона вниз, в ложбинку, где, как он знал, должен был дожидаться его Старшой.

– Ну что? – выдохнул невидимый Старшой ему на ухо. – Ничего, кейсыра. Я знаю место, где у нас такой товар по полсотне баксов за штуку возьмут. Есть там еще такие?

– Навалом, – так же бесшумно прошептал Рашпиль, слишком потрясенный тем, что он видел внутри вагона, чтобы быстро и четко доложить все Старшому.

Впрочем, какие тут теперь Старшие? Саня вознесен на седьмое небо, его подхватили ангелы финансовых потоков, и сквозь разрывы в мути опоясывающего экватор вихря спекуляций ему приоткрылся краешек престола брокера-князя мировой биржи.

– Теперь ты меня прикрой. Я там тоже маленько пощупаю – и назад.

– Не ходи. Если я нарушил сигнализацию, вот-вот должны подойти...

– Ладно. Не первый год замужем. Знаю я эту вохру: пока они там проблюются с перепоя, пока яйца в ширинки уложат... А я мигом. Да в крайностях или отобьемся, или договоримся.

И Старшой, в два прыжка достигнув вагона, подтянулся на руках и исчез в темном проеме.

Хорошо выраженная шизоидность момента на какие-то минуты распластала Саню на дне ложбинки, обесточила его дальнейшие броски по пересеченной местности. На какое-то мгновение ему показалось, что, может быть, и впрямь самое разумное – загнать эти кейсы примерно за полцены, то есть, как и предлагал Старшой, по пятьдесят гринов за штуку. Принимай подарок от Страны советов. А мы, мол, воры честные, что там внутри – нас не касаемо. Эх, хорошо-то было бы закосить, не я, дяденька, внучку штормил, она сама мне у озера все показала. Но нет уж тех акций у юридивых на Руси. Не слушают долго их бак, даже если и складно выводят, берут их под прицел, как хищную живность какую, а то и начинают палить, как оглашенные.

Из проема показалась фигура Старшого, который явно не собирался следовать примеру Рашпиля, то есть плюхаться на живот, перекатываться через приступку и сваливаться мешком вниз. В каждой руке Старшой держал по два кейса. Он стоял в проеме вагона совершенно не маскируясь, выбирая момент, чтобы спрыгнуть вниз, и помахивал своими четырьмя чемоданчиками, как честный маклер на прогулке.

– Давай-ка вниз. Чего там стоишь? – раздалось над Саниной головой справа.

– Э, знакомые лица, – прозвучало слева.

– Что там у тебя в руках? Кидай вниз, – спокойно посоветовал голос, казалось, прямо из-за спины Рашпиля.

«Ага, первый эшелон прибыл, – подумал Саня, – всего три фуфлыжника, и, судя по их расхлябанности, они, как и Старшой, еще ничего не поняли».

– Всем стоять! – выверился вдруг на хорошей истерике приказ откуда-то сверху.

«Вот и настоящие хозяева объявились, – понял Рашпиль, – или их гончие. Вот и началось и, пожалуй, сразу и закончится».

– Идет спецоперация. Вы все окружены. Вы, трое, подойдите к вагону.

Трое охранников, как бы сжимая кольцо вокруг стоявшего в дверном проеме Старшого, медленно подходили к вагону. Слышалось только их сопение и хруст пересохшей травы под подошвами их клевых армейских ботинок.

– Стоять! – заорал опять истерический голос, и охранники, не дойдя метров трех до насыпи, остановились. Старшой стоял теперь в проеме вагона, весь залитый лунной обманкой, вытянув прямо перед собой обе руки с двумя кейсами в каждой. Сейчас его расстреляют, понял Саня, знаем мы эти спецоперации. Но парень идет на рекорд, это ясно. Умереть, держа на вытянутых руках четыре миллиона зеленых, – это рекорд. Это бред и абсурд вождедений, легенда на все времена в бандитских притонах от Москвы до Владика.

Раздались один за другим несколько хлопков, и выбеленная луной фигура Старшого качнулась на полусогнутых и затем тяжело рухнула вниз вместе с кейсами. Один из них попал, видимо, под расстрельный огонь, во всяком случае при падении замок вышибло вон, и кейс раскрылся, как пьяная директриса перед старшим ревизорской группы. Трое вохровцев с недоумением и ужасом смотрели на зацеллофанированные пачки, рассыпавшиеся по траве у их ног.

«Теперь немедленно убьют и этих, – опять, как бы даже без всякой паники прикинул Саня, – а если я не рискну, и не пойду на прорыв, то потом быстро обнаружат меня. И заткнут пасть».

Сейчас истекали последние моменты, когда можно было предпринять какие-то действия, хотя бы с минимальными шансами на успех. Пока внимание страшеньких ребят из темноты было приковано к трем охранникам и раскрывшемуся кейсу. Но, покончив с этой троицей, они тут же обратят свое внимание на окружающий пейзаж.

Беги, парень, беги!

И забудь, как тебя зовут.

И где это происходило. И кто в этом участвовал.

Но перед тем, как бежать, сначала ползи. Вспомни, как передвигаются беспозвоночные, и вот так же, втихаря, прочерчивая носом в пыли основательную борозду, исчезай-растворяйся в дальнем конце ложбины.

И когда за спиной замечется снова истерический крик или застучат стальные гвозди выстрелов, несись очертя голову и не оборачивайся. И особо-то не бойся, не изнемогай под холодным потом. Перво-наперво, долларового миллионера редко задевают случайные пули. Это уж так в природе устроено, и, говорят, что еще Архимедом и Ломоносовым за верное было утверждено. А во-вторых, кто теперь может гарантировать, не воткнул ли Старшой тебе жило под левую лопатку еще до того, как ты вошел в открывшуюся дверь.

В этом случае все дальнейшее всего лишь снится тебе. Всего лишь грезится. То ли в предсмертном бреде, то ли в реанимационной палате, от передозировки наркоза. А может, и на Елисейских Полях или иных пажитях небесных.

О спорт, ты – мир! О, бег через барьеры!

Свобода бега-прыжка. Забега в ширину. В перпендикуляр путям, насыпям и рельсам. Взапуски с луной, прыгающей, как заяц, через кусты ветвящихся облаков.

Не удержавшись от скорости на ногах и скатившись кубарем в обнимку с кейсом с очередной насыпи, Рашпиль чуть не уткнулся носом в сторожку дедугана. Протирая засоренные околорельсовой дрянью глаза и продолжая прикидывать, не сдурел ли он уже полностью и окончательно, Рашпиль увидел, как из сторожки выносят обездвиженное тело героя, и решительно задвигают его, как противень в духовку, через заднюю дверь автомобиля.

Окно в сторожке стояло, по теплой летней погоде, раскрытым настежь. Рашпиль поднялся с земли и одним махом перескочил через подоконник.

В сторожке оставался еще один в белом халате. Замешкался мужик маленько, собирая какие-то бумаги со стола. Он обернулся на звук прыжка, когда Саня запрыгнул в комнату, и с

испугом на лице начал пятиться к двери. Нельзя было дать ему уйти, но уже никаким броском через комнату Саня его не доставал физически. Оставалось достать морально.

Раздумывать и рассчитывать было некогда. Рашпиль выхватил из кейса один долларовый брикет и пустил его скользить по полу целлофановой оберткой к ногам медика.

– Десять тысяч зеленых. Это для тебя.

– Чего надо? Давай быстрее, машина сейчас уходит, – с опаской, но уже явно успокаиваясь, пробурчал верзила в белом халате. А Рашпиль уже в который раз отметил про себя, как быстро успокаиваются люди, стоит им только убедиться, что им что-то предлагают, а не отнимают.

– Ты подними, подними, а то войдет кто.

– Что вам надо? Говорите быстрее.

– Ты едешь с шофером или с остальными, в кузове?

– В кузове, вместе с больным и еще одним санитаром.

– Он тебя хорошо знает?

– Нет. Это новенький. Это первый его выезд с нашей бригадой.

– Освещение в салоне, насколько я понимаю, хреновое?

– Полумрак. Говорите быстрее, сейчас они заметят мое отсутствие. – Парень беспокоился уже явно только об одном: как бы не утратить невиданную им никогда пачку денег. Он, конечно, нервничал по делу и еще раз настойчиво повторил:

– Что вы хотите?

– Твой халат и документы.

– А если?...

– Скажешь, что отдал под пистолетом. Да и на кой тебе теперь эта работа? Ты с этой пачкой на Кипре круглый год можешь кантоваться.

– Пройда! Петек! Идешь, что ли? – раздалось со двора.

– Отлить нельзя? Давай, заводи! – откликнулся Пройда-Петек, извиваясь в это время всем своим мясистым телом, чтобы побыстрее выскользнуть из засаленного халата.

– Документы? – Рашпиль протянул руку. – Сегодня никшни. И завтра, как вчера. А потом можешь заявлять об утрате. Куда едете?

– В Кащенко.

– Слыхали, как же. Культурное, говорят, учреждение.

Рашпиль сбегал с крыльца и, стараясь не попасться в сектор обзора водителя, метнулся к открытой задней двери автосалона. Залез внутрь. Не оборачиваясь к напарнику, закрыл створки задней двери и закрепил их металлической щеколдой изнутри. И только после этого, когда в салоне стало еще сумрачнее, сел на узкую жесткую скамеечку, слева от пациента, зафиксированного на специальной каталке, которая, в свою очередь, была зафиксирована на направляющих, уложенных на полу вагона. Справа от каталки, на такой же скамеечке, сидел напарник Пройды-Петька. Машина тут же тронулась с места.

«Зачем я это сделал? – думал Рашпиль, когда его начало мотать по узкому пространству между каталкой и стенкой кузова. – Зачем было давать ему столько денег? Ведь это не могло не вызвать подозрения, И на какой прибор мне его документы? Тоже мне, маршал авиации, Санитар Дебилович Атасов. Бриллиантовая звезда на груди героя. Или как там, во всемирной истории? Звезду Александру Васильевичу, графу Петьку, Пройде Санитарычу. Нет, я правильно все сделал. Надо было одним махом оторваться от вокзала, и я это сделал. И с десятью штуками для Пройды-Петька все получилось путем. Подозрения, это все Гренобль-гренобель, пусть подозревает хоть в минировании мостов. Но пасть свою Петек не раскроет аж до Второго пришествия. Для него главное, чтобы никто и никогда не спросил у него о пачке запечатанной».

И пусть сумму Рашпиль кинул несуразную, некогда было слюннуть и отсчитывать, да это и не главное, вернее, это только начало. Теперь он воочию убедился, что того, кто тратит не считая, никто и ни о чем не спрашивает.

Мерзавец шофер вел машину, видимо, в расчете на добивание слабых. Он закладывал такие виражи, с такой страстью и скоростью мчался прямо в середину любой колдобины, что было ясно: привези он клиента, а то и сопровождающих санитаров и медбратьев, только что испутивших дух по дороге, в приемном покое он рассчитывает встретить не осуждение, а молчаливое понимание.

Но с дедуней, похоже, шеф дал маху. Чем безумнее бросал он свой аппарат в пике, тем быстрее испарялось действие варварского укола. Дубленая задница деда могла, знать, выдержать еще и не то. Выдержать и дать отпор.

– Я три войны прошел, – затянул дед после одной, изумившей всех ездоков встряски.

– Врешь. Ни на одной не был, – спокойно возразил напарник Рашпиля.

– Вот те крест, ребяташки, – без особого, впрочем, огонька заверещал клиент. – А куда мы едем?

– В гости едем, на млины с блинами.

– Это как, ребятаки? А на посту кого оставим?

– А так, что едем, дед, в гости. К господам чайникам и господам наполеонам. Ребята они негордые, всякого примут. Только ты должен прямо сейчас определиться, ты за какую компанию: за чайников или за наполеонов?

– Я тебя не знаю, – посуровел дед, – ты, может, враг и агент. А тебе все карты раскрой?

Рашпиль прикинул, что чумовоз и белые халаты при нем – натуральные. Ложный вызов, конечно, сделали спецлюди, которые и сами ломают теперь головы, в какой колодец поглубже забросить этого деда, а может, и всю команду психпилотов.

– Я в трех тылах бывал, – крепчал больной с неустановленным диагнозом, – и сам Рамзай на связи держал. Ты знаешь, кто я такой на самом деле? У меня три звания, если ты хочешь, и все три – военные. Высший комсостав, слышал про такое? Вот это я и есть.

До шофера, видимо, телепатически донеслось, какую важную птицу он везет. И чтобы не мучиться сознанием ответственности, он, похоже, решил закончить все это бодяжное мероприятие одним кульбитом. Чтобы никому не обидно было.

Машина тормознула так, что чуть не встала на нос. Неясно слышалось, как водила орет на кого-то, чудом оставшегося в живых. Затем ор перешел в рокотание на умиротворенных базах, потом задняя дверь открылась. Сзади стояли шофер и совсем юный, чуть ли не моложе Рашпиля, пижонистый старлей в приталенной шинельке.

– Вот, военному надо срочно, подбросим... Куда ему, туда и нам. Нам не к спеху. Правильно я говорю?

Он сделал неопределенный приглашающий жест рукой, и старлей, стараясь оберечь чистенькую обмундировку, как ловкий воробей, запрыгнул в салон. Можно сказать, присоединился к теплой компании.

Машина снова рванула как обезумевшая.

– Мне тут недалеко. Мне надо срочно. Я даже с дежурства на час раньше отпросился, – начал оправдываться старлей, обращаясь как бы ко всем вместе: и к больному, и к медперсоналу.

– А ты знаешь, кто я такой? – встрепенулся дед со своей извечной загадкой.

– Полагаю, что в настоящий момент вы больной.

– Если хочешь, я сейчас прикажу, и шеф в «Метрополь» нас доставит. Слышал, небось, служивый, про «Метрополь?»

– Ты вот что, – подал наконец голос напарник Рашпиля, – ты стойку-то на деда не делай. Мы тут специфических больных перевозим. И отвечаем за их душевное спокойствие. Так что ты нам деда тут не волнируй.

– Да я тут недалеко, с невестой у меня встреча, – отчего-то растерялся старлей Симонов.

– Ты сколько ему дал? Шефу-то? – еще больше посуровел ликом санитар.

– Тридцатку. Тридцать тысяч в смысле. Да у меня больше и нет.

– За тридцатку, да по ночам, только коты на яйцах играют. У невесты займешь, А то мы тебя вместе с дедом сейчас определим. У нас там два Лужкова и два Кобзона имеются. И те и те жалуются, что им третьего не хватает.

Старлей промолчал, полагая, что после того, как он договорился с шофером, можно не реагировать на пустую болтовню пассажиров. Даже если они в белых халатах и угрюмого странно-свирепого вида. Рашпиль, идущий за звездой своей интуиции, наклонился к офицеру и тихо спросил:

– Идешь к бабе, как же без денег? А у меня есть. И я тебе могу дать.

– Слушай, будь другом, выручи! Я через сутки отдам. Вот, запиши. Адрес и телефон.

– Да спрячь, не надо. Вот тебе сотенка зеленая.

– А как же мы встретимся? Чтобы вам долг отдать.

– А мы и не расстанемся. Шеф что сказал, помнишь? Куда ты, туда и мы.

Симонов на какую-то секунду засомневался, уж не безумен ли и этот санитар. А тот? Тот пытался вымогать у него деньги. А этот сунул сотнягу зелеными. А шеф ломится через город, как пьяный слон на складе виски. По всему судя – дурдом на колесах.

– Ты возьмешь такси до «Метрополя», – неожиданно заложил руладу дедок. – А дальше? А, парень? Ты должен знать. Там как раз про лейтенанта.

– У меня еще есть. Гульнем, а, Паша?

– Я не Паша. Меня Никоном зовут.

– А я Саня. А как твою звать?

– Лора.

– О, богато. Ну что, Никон, гульнем? С Лорой, с Лерой, с Валею. Хрустов на всех достанет.

– Саня, вы производите впечатление порядочного человека, но делаете странные предложения. Что вам конкретно от меня нужно?

– Не расставаться этой ночью с тобой и Лорой. Вы ведь куда-то с ней приглашены? Я вам не помешаю. Я могу дать вам много денег. Слушай, Никон, давай на «ты»?

– Будешь плакать пьяными слезами, – вспомнил продолжение песни жизнестойкий и уколоупорный дед, –

– И стихи Есенина читать,
Вспоминать девчонку с карими глазами,
Что могла твоей женою стать.

– Тебя ищут, что ли?

– Возьми, Никон, в знак нашей дружбы, – Рашпиль нащупал в кармане загодя надорванную им пачку и вытащил еще три сотняры.

– Ладно, оставь пока при себе, – Симонов сжал кулак Рашпиля и отвел его от себя. – Там будут я, Лора, и Валентина. Хозяйка. А ты вроде бы как четвертый. Так что может и ничего получится. Девочки классные, так что, если чего особенного закажут, ты со своими гринями и возникнешь.

Машина для безумных, пришпоренная безумным шофером. Адский водитель, не желающий ничего знать, кроме того, что тридцать штук у него в кармане. А эта сумма гарантировала ему, что до рассвета он закроется в ванной комнате тяжелого отделения с медсестрой Лизаве-

той. Высадит вот только эту худобу в погонах, и – прямо по борту, шмаляй глубоководными. Что в переводе с древнеизвестного означает полненькую извращенку Лизавету и пузатенький флакончище медицинского спирта. Как эту дозу спиртяры застаканишь, так и безгрешен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.